

— Судьба не по рецепту —



МАРИЯ ВОРОНОВА

Ангел скорой помощи

Мария Владимировна Воронова
Ангел скорой помощи
Серия «Судьба не по рецепту.
Романы М. Вороновой»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69156850
Ангел скорой помощи: Эксмо; М;
ISBN 978-5-04-186116-2

Аннотация

Продолжение истории про хирурга Яна Колдунова!

Детский хирург Константин Коршунов женится по расчёту – его отец мечтает породниться с семьёй высокопоставленных медиков. Никакой любви, лишь взаимное уважение, крепкий тыл, резкий взлёт карьеры. Ян Колдунов, коллега и друг Константина, решает последовать его примеру. Тем более, что у него есть отличная кандидатура – рентгенолог Соня. Правда, в прошлом Ян уже бросал её, предпочтя аристократке Соне девушку из обычной семьи. Но на что не пойдёшь ради светлого будущего.

В романах Марии Вороновой любовь – это работа, это верное служение, это радость от возможности сделать любимых счастливыми, это преданность профессии. И всё настоящее, сердечное и человеческое.

Мария Воронова

Ангел скорой помощи

© М.В. Виноградова, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Не спеша поднимаясь по больничной лестнице в отделение терапии, Ян Колдунов сетовал на судьбу и собственную бесхарактерность, из-за которых ему в разгар июля вместо солнечных лучей и теплого пляжного песочка приходится довольствоваться унылыми бетонными стенами и лампами дневного света.

Официально он был в отпуске, но коллеги из дружественного стационара, где располагалась клиническая база кафедры, попросили выручить. Что ж, Ян отказываться не стал и даже не сильно обижался, что ему, как человеку, во-первых, пришлому, а во-вторых, самому молодому, поручают наиболее скучную и простую работу.

Уже зная, что терапевты запрещают курить у себя в ординаторской, Ян предусмотрительно поднялся на чердак, быстро высадил сигаретку, перемигнувшись с наглым зеленоглазым больничным котом, и, последний раз отругав себя за безотказность, отправился в терапию. В коридоре Ян

столкнулся с начмедом, который стремительно пронесся мимо, оставляя за собой волну ярости.

Чудом не попав под горячую руку, Колдунов вошел в ординаторскую.

– Добрый день!

– Нет, ты подумай, орет, как на девочку, а у меня стаж вдвое больше, чем у него! – энергично перебила заведующая, которую Ян видел второй раз в жизни и еще не запомнил, как зовут.

Чтобы не вовлекаться в больничные интриги, он неопределенно кивнул и потряс почкообразным тазиком с иглами для плевральных пункций, который принес с собой.

– Безобразие! И если бы еще понимал, о чем говорит!

– Да уж, кошмар, – поддакнул Ян.

– На ровном месте до истерики довел, как теперь прикажете работать? – заведующая картинно прижала руки к груди.

– Нежные вы люди, терапевты, – Ян улыбнулся и поставил свой тазик на стол, стараясь, чтобы он звякнул погромче, – слишком все близко к сердцу принимаете...

– Ой, можно подумать, вам безразлично.

– На нас каждый день орут, то начмед, то кто-нибудь еще, мы привыкли. «Все сказал? Свободен». И работаем себе дальше.

– Ян Александрович, боже, вы ли это? – с этими словами из-за шкафа вышла девушка, и сердце Яна приятно дрогну-

ло, потому что он узнал Олю, свое первое студенческое увлечение.

Он помнил ее очень хорошенькой, похожей на ангелочка со старинной рождественской открытки, и за те несколько лет, что они не виделись, это нежное, немного конфетное очарование никуда не исчезло.

– Да, это я, – признался Ян, а Оля улыбнулась в ответ, и ему вдруг сделалось радостно просто оттого, что она существует и он видит ее сейчас.

Четыре года назад они познакомились на дискотеке в клубе академии. В темном зале можно было разглядеть только пухленькую фигуру, поэтому Оля не пользовалась успехом, подпирала стенку, и Ян пригласил ее на медляк скорее из жалости, чем из интереса.

От девушки пахло чистотой и очень простыми, но тонкими и ненавязчивыми духами, двигалась она легко, и вообще чувствовать ее рядом с собой было очень приятно.

Ян проводил ее домой, взял телефончик просто из вежливости, но потом все-таки позвонил, позвал в кино, и только в фойе, угощая свою даму кофе, вдруг заметил, какая она миленькая.

А когда выяснилось, что она тоже учится в медицинском, то Ян почувствовал, будто знает Олю всю жизнь.

Есть у врачей такое братство не братство, но, в общем, свойство понимать друг друга с полуслова. И не только романтики это касается. Например, доктор пришел в эту боль-

ницу три дня назад, а уже полное ощущение, что работает здесь с незапамятных времен и знаком с коллегами сто лет. Как винтик в системе, только в хорошем смысле.

Тогда они несколько раз встречались, целовались в темных дворах-колодцах и вообще в каждом укромном уголке, но Оля была девушка серьезная, до свадьбы ни-ни, а Ян фанатично занимался хирургией и не хотел отвлекаться на такое серьезное дело, как создание семьи. И как-то все мирно и весело сошло у них на нет, без взаимных обид и злобы. Яну нравилась Оля, но организм требовал не романтики, а именно того, в чем девушка отказывала ему, так что он стал звать ее на свидания все реже, держа в уме, что, как только образуется свободная минутка, он обязательно подумает о женитьбе. Между тем работать становилось все интереснее и интереснее, Ян сутками пропадал в клинике, приходя домой только поспать. Он числил Олю своей девушкой, но однажды не звонил ей целых три недели, а когда спохватился, выяснилось, что она нашла себе более перспективного поклонника. Ян тогда вроде бы расстроился, а вроде бы и нет, скорее почувствовал облегчение, что одна проблема отпала. Но Оле, конечно, соврал, будто ужасно страдает.

– Ну приветики, – сказала Оля невозмутимо и сунула ему увесистую пачку историй болезни, – вот тебе на пункции.

– Спасибо, конечно. А снимки есть или, как всегда, только описание?

Оля молча кивнула ему на стопку больших конвертов

из почтовой бумаги, откуда выглядывали черные краешки рентгенограмм.

– Снимки ему подавай, – фыркнула заведующая, – а перкуссию Леопольд Ауэнбруггер для кого придумал? Совсем разучились физикальными методами работать.

– Сами бы и пунктировали, если такие умные, – пробормотал Ян себе под нос.

Заведующая услышала и рассмеялась:

– Да мы бы с удовольствием, но сам знаешь, если хирург проткнет селезенку, то это норма жизни, а если терапевт – нездоровая сенсация. Так что не обессудьте... Ольга Анатольевна, покажите доктору рабочее место.

– Пойдем.

Пропуская Олю в дверях, Ян уловил легкий аромат духов, тех же самых, что были у нее тогда, и сердце чуть защемило, но не от любви, а от грусти по себе самому, юному, наивному и радостному оптимисту, теперь навсегда ушедшему в воспоминания.

– А может, сходим как-нибудь на дискач? – шепнул он, склонившись к самому Олиному уху.

– Нет, спасибо.

– Тогда в кафешку? Или в парк поедem погулять?

– Толай в процедурную, Ян, там тебе сейчас будет и дискач, и все, что хочешь, – засмеялась Оля.

Он быстро посмотрел на ее правую руку, но не увидел обручального кольца и решил так скоро не сдаваться.

– Прямо нет-нет?

Оля молча довела его до процедурной, оставила наедине с почкообразным тазиком и пошла искать сестру и скликать пациентов.

Плевральная пункция – процедура простая и довольно нудная, но без должного внимания может привести к трагическим последствиям, как и любое другое вмешательство в человеческий организм, и, как и к любому другому вмешательству, нельзя относиться к ней небрежно и торопиться.

У последнего пациента Ян откачал больше трех литров жидкости шприцом-двадцаткой и в общей сложности провозился почти час.

Рабочее время кончилось, доктора собирались домой, и когда он заглянул в ординаторскую доложить, что задание выполнено, застал их уже без халатов. Оля была в юбке с розами и обтягивающей майке, отчего Яну сразу захотелось с ней целоваться.

Но вместо этого пришлось сесть за стол и записывать историю.

– У всех жидкость получил? – спросила заведующая.

– Обижаете. Фирма веников не вяжет.

– Пиши подробно, чтобы некоторые ценители не придрались.

Ян поморщился. Эту часть работы – механически выводить пустые, ничего не значащие фразы только для того, чтобы было, потому что так положено, он категорически не лю-

бил.

– Да у меня протокол резекции желудка получается короче, чем эта ваша пункция, – занял он.

– Давай, давай! – заведующая засмеялась. – А то совсем хирурги зазнались, уже и истории писать вам не царское дело. Только и слышно от вас, что таблетки назначить может каждый, а ты попробуй рану сердца ушить.

– Вот именно, нездоровый снобизм, – включилась Оля, – и не зовите нас тогда на гипертонические кризы. Раз каждый может.

– А вы нас на тромбофлебиты не дергайте, – парировал Ян. – Гепарином намазать-то уж точно Гиппократом быть не надо.

– Будет вам, дети, не ссорьтесь, – улыбнулась заведующая, – на одной земле живем, одно дело делаем, что делить? Ну все, я побежала, а вы, Ольга Анатольевна, проследите, чтобы он тут все нормально дописал.

Насупившись, Ян в пятый раз принялся выводить «*под местной анестезией р-ром новокаина...*», а Оля принесла в пол-литровой банке воды и сунула туда кипятильник.

– Вроде мы тебе чай с тортиком за работу обещали...

– Чай – это не совсем то, чего бы я хотел, – признался Ян.

Элегически вздохнув, Оля заметила, что жизнь вообще такая штука, что мы редко получаем то, что хотим.

– Рад бы возразить, да нечего, – с этими словами Ян поднялся из-за стола и уставился в окно, надеясь найти там ис-

точник вдохновения.

Терапия располагалась на восьмом этаже, и вид из окна открывался действительно великолепный. Вдалеке поблескивала узкая полоска залива, по рельсам гусеницей полз товарный поезд, а дальше далеко-далеко простирались кварталы новостроек, будто какой-то гигантский ребенок играл здесь в свой гигантский конструктор. Вдалеке искоркой отсвечивал купол собора, возможно, Исаакиевского, а возможно, и нет, Ян плоховато ориентировался на местности. Сразу за больничной территорией простиралась большая, огороженная бетонным забором стройка с разрытой серой землей и живым кипучим беспорядком.

– Красиво, – сказал он.

– Да, ничего.

– Так, может, все-таки?

– Колдунов, не будь занудой.

– Буду, потому что зануде легче дать, чем отказать.

– Нет, не легче. Ян, правда, – Оля заглянула ему в глаза и ласково улыбнулась, – что было, то прошло. Ты бы обо мне вообще не вспомнил, если бы мы сейчас не столкнулись.

– Может, и так. Но мы же... – Ян смутился, не представляя, как спросить и не скатиться в жуткую пошлятину.

– Были счастливы вместе?

– Ну да. С поправкой на то, что я вел себя как идиот.

– Да почему? Все нормально было, и ты мне нравился. Надо было тогда тебя быстренько женить на себе по залету,

как девчонки советовали.

Ян засмеялся:

– Интересно, как бы ты это провернула, с твоими моральными устоями?

– А ты бы женился?

– По залету-то? Само собой.

– Да... Жаль, что не рискнула. А теперь что ж, два раза на одних и тех же граблях не наступишь.

Ян посмотрел, как в небе величественно разворачивается стрела подъемного крана, перенося огромную бетонную плиту, которая отсюда смотрелась, как воздушный змей.

Чуть выше летел серебристый, точно окунь, самолет, в открытую форточку слабо доносился мерный звук его моторов и шум стройки.

И вдруг Яну так остро стало жаль, что он не является частью простирающегося перед ним города... Живет как-то боком, урывками, а мог бы поселиться в одном из этих новых домов, водить ребенка в детский сад и ждать второго. Быстро прикинув, сколько лет прошло с их романа, Ян сообразил, что второй мог бы уже и родиться. Он бы не спал ночами, бегал на молочную кухню, таскал домой картошку в рюкзаке, и в этой суете, наверное, был бы счастлив. Или нет, но времени бы не оставалось жалеть себя и воображать себе иную участь.

– Очень жаль, что так у нас вышло, – сказал он, – и тогда было жаль, и теперь особенно.

– Не грусти. Все равно в жизни всегда все идет не так, как ты себеобразишь. Даже если мечты твои сбываются.

Вода в банке забурлила, но Ян сказал, что раз Оля на свидание с ним не пойдет, то он и чай пить не будет.

Сдав по счету использованные иглы перевязочной сестре, Ян немного еще пошатался по отделению, но места для подвига в жизни все не находилось. Пациенты поправлялись по плану, никто не нуждался в экстренной операции, и даже истории все, редкий случай, были оформлены вплоть до того, что в листах назначений проставлены режимы и столы, что Ян порой забывал делать, как прописывал голод при поступлении, так и оставлял, и больные у него умирали бы от истощения, если бы не внимательные медсестры.

Работы нет, а он совсем не устал, наоборот, чувствует прилив сил после приятной встречи с Олей, глупо идти домой и падать на диван.

Ян спустился в приемный покой, зная, что уж там-то всегда найдется если не интересная работа, то способ устать, и пока бежал по лестнице, на сердце снова сделалось легко и весело. Да, он уже не так юн и наивен, но все еще молод и может влюбиться снова. А что Оля не захотела с ним пойти, так это ничего не значит. Сегодня нет, завтра – да. Образуется еще.

В приемнике, как всегда, кипела жизнь. Ян прошел мимо согнувшегося пополам юноши (перфоративная язва, менее

вероятно – почечная колика), двух одинаковых с лица полных женщин, одна помладше, другая постарше (подъем АД или приступ стенокардии у матери, дочь сопровождает), мимо мелко трясущегося мужчины с красным лицом, которого следовало срочно брать в оборот, пока он не выдал белую горячку, – и оказался на посту.

Втайне Ян гордился своим умением ставить диагноз, что называется, «с порога», но помнил, что в медицине очень часто все не то, что кажется на первый взгляд, и хоть первая мысль всегда от Бога, но есть нюансы. Поддаться первому впечатлению – значит подвергнуть больного смертельному риску. Пусть юноша на кушетке и выглядит типичным язвенником, заставить его согнуться могло множество самых разных заболеваний, и даже у предполагаемого алкаша типично похмельный вид не обязательно вызван пьянством. Почти всегда, но не всегда. Надо держать в уме и диабет, и опухоль надпочечников, и, главное, то, что ты сам всего не можешь знать. Поэтому надо внимательно собирать анамнез, осматривать больного и назначать дополнительные исследования. А с последним пунктом дела обстоят так себе... Лаборатория делает только клинические анализы, рентген-аппарат ломается с завидной регулярностью, так что приходится проявлять чудеса изворотливости в своем клиническом мышлении.

Заглянув в комнатку позади сестринского поста и увидев дежурного хирурга Коршунова, Ян отпрянул, ибо совер-

шенно не хотел работать с этим прекрасным, практически безупречным человеком, тем более за бесплатно. Надеялся быстро исчезнуть, но Коршунов уже заметил его:

– Добрый вечер, Ян Александрович!

– Добрый, Константин Петрович. Я заглянул буквально на секундочку, узнать, не нужна ли помощь.

Константин Петрович ожидаемо ответил, что никакая помощь ему не нужна, и вернулся к своим делам. Взяв со стола завивающуюся крупным локоном ленту ЭКГ, он вернул ее медсестре со словами:

– Нет, это надо переделать.

Ян, который уже почти ушел, поставил занесенную над порогом ногу обратно. Ему стало интересно, что будет дальше, ибо такого хамства врачи себе обычно не позволяли. Тем более хирурги, для которых ЭКГ представляла собой темный лес в любом качестве исполнения.

– Но тут же читаемо, – почти прошептала медсестра, в которой Ян узнал свою старую знакомую.

Надя работала у них в академии в клинике детской хирургии, а здесь поддежуривала. Может, и не семи пядей во лбу, но от нее Ян принял бы ЭКГ в любом виде, зная, что добросовестная Надя сделала все, что могла.

Подмигнув девушке, он взял ленту и с умным видом пропустил между пальцев:

– Да нормальная пленка, что вы, Константин Петрович! Вот вам, пожалуйста, сегмент ST, вот комплекс QRS, все на

месте.

Коршунов обдал его таким ледяным взглядом, что Ян чуть не разлетелся на тысячу кусочков.

– Я отвечаю за больного, значит, я решаю, устроит меня пленка или нет. Я не собираюсь пропускать инфаркт только потому, что медсестра не желает выполнять свои прямые обязанности! – отчеканил Константин Петрович.

– Но аппарат лучше не снимет, – прошелестела Надя.

– Нет, правда, вы даете нереальные планы, – не сдавался Ян, – вы, наверное, просто здешний кардиограф не видели, это же древность, раритет, еще к батарее надо заземляться! Вечно дает наводку, как ни старайся!

– Поражаюсь вашей осведомленности, Ян Александрович, – фыркнул Коршунов, – вы три дня тут работаете, а уже знаете, что вечно, а что нет. И прежде чем вы найдете новый аргумент, предлагаю свернуть дискуссию, ибо она приведет только к бессмысленной потере времени. Я нахожусь на рабочем месте, а вы – нет, следовательно, медсестра будет выполнять мои распоряжения, а не ваши.

«Зря я сюда приперся», – вздохнул Ян про себя, а вслух сказал:

– Ладно, Надюша, пойдем, посмотрим, что можно выжать из этого дедушки функциональной диагностики.

Формально Коршунов был прав, но если бы сегодня дежурила не безропотная Надя, а, например, мощная Оксана, Константин Петрович быстренько растерял бы всю свою

спесь и был бы счастлив как дитя, если бы ему в принципе сняли ЭКГ, а не послали куда подальше.

Ян кинул заземление на трубу холодной воды, смочил присоску груши, которая от долгих лет эксплуатации растеряла почти всю свою эластичность, Надя особым образом стукнула по аппарату, и соединенными усилиями им все же удалось записать пленку не сильно лучше прежней, но все же чуть-чуть более читабельную, которая удовлетворила Коршунова если не в плане жажды знаний, то в смысле самолюбия точно.

Желать спокойного дежурства очень плохая примета, поэтому, от всей души пожелав Наде терпения и выдержки, Ян вышел на улицу. Солнце припекало, но под пандусом держался приятный тенок. Прислонившись к колонне, Ян закурил, думая, что ему делать дальше. Домой не хочется, а с этим занудой он не останется дежурить ни за какие коврижки. Эх, как все-таки жаль, что Оля не захотела провести с ним вечер... Мороженого бы хоть поели...

– Ян Александрович, позвольте мне дать вам небольшой совет? – сухой голос Коршунова вырвал его из приятных грез.

– Вы насчет субординации хлопчете, Константин Петрович?

– Отнюдь. Я просто хотел бы передать вам наставление своего деда о том, что надо иметь чувство фигни. Он, правда, выражался несколько крепче, но мы с вами интеллигентные

люди...

– О да! – с жаром подтвердил Ян.

– И находимся в стенах государственного учреждения, поэтому пусть будет фигня.

– Ну пусть.

– Так вот мой дед всегда говорил, что, если ты чувствуешь, что все идет не так, как надо, не спеши убеждать себя, что это не так.

Ян заметил, что для него это слишком сложная конструкция.

– Короче, если видишь, что происходит фигня, не доверяй сразу тем, кто твердит тебе, что все в порядке, даже если это пытается тебе внушить твой внутренний голос. Что, мол, нет, это не фигня, все нормально, иначе не бывает и сделать невозможно. Как бы тебя ни убеждали, не торопись гасить в себе это чувство. И уж тем более не спеши успокаиваться, если чувствуешь, что сам творишь фигню.

– Да, это, пожалуй, верно, – кивнул Ян, – бывает, на операции вроде бы ни с чего засвербит, так лучше сразу остановиться и переделать. Вроде и ты устал, и больной давно в наркозе, и объем будет больше, чем по первоначальному плану, но, если чувствуешь, что делаешь не то, никогда не надо уговаривать себя, что все в порядке. Потом или переделывать в три раза больше, или больной вообще помрет.

– Вот видите, Ян Александрович, оказывается, мы с вами одинаково смотрим на вещи. Зачем же вы тогда идете на по-

воду у медсестры?

Ян повторил, что кардиограф никуда не годится.

– Но тем не менее получилась же приличная пленка, в конце концов! Знаете, когда человек не хочет работать, он всегда найдет тысячу оправданий.

– Но это же Надька! Вы лучше моего знаете, что она пашет дай бог каждому.

– И тем не менее, – с нажимом произнес Константин Петрович, любящий, чтобы последнее слово оставалось всегда за ним.

Ян молча выдохнул дым и показал Коршунову глазами на ворота, к которым подъезжала «скорая» без сирены, но с включенным синим маячком, еле различимым в солнечном свете.

– Подожду на всякий случай, – сказал он, – вдруг ДТП или три ножевых оптом, как в прошлый раз.

Но выскочивший из кабины знакомый фельдшер, заметив Яна, крикнул «к терапевту».

– Что ж, не судьба тогда. Пойду домой.

– Хорошо, Ян Александрович, – важно кивнул Коршунов, – если позволите, у меня будет к вам небольшое поручение.

– Слушаю вас.

– Купите, пожалуйста, по дороге хлеба, если это вас не затруднит.

– Отнюдь, – буркнул Ян.

– И будьте добры, не вздумайте курить в квартире. Если вам кажется, что вы успеваете проветрить, то нет.

Ян поморщился, но обещал. В принципе, ему и самому больше нравилось дымить на улице, бесил сам факт запрета.

В конце мая Ян неожиданно остался в съемной квартире один. Витя Зейда с женой после рождения дочки окончательно перебрались к родителям, и только они с Васей и Диной (другой семейной парой, проживавшей в квартире, спланировали приятный совместный быт, как вдруг умерла бабушка Дины, оставив ей комнату в коммуналке, но сорокаметровую и в центре города. Молодые поскорее переехали туда застолбить жилплощадь, пока ее не прибрали к рукам ретивые соседи.

Даже Димка Лившиц и тот внезапно женился и перебрался к супруге.

Целую неделю Ян провел наедине с воспоминаниями и то хотел тоже съехать, то, наоборот, остаться насовсем там, где прошли самые счастливые и самые грустные дни его жизни. Иногда было пронзительно тяжело идти мимо библиотеки, в которой больше не работала Наташа, и возвращаться домой с мыслью, что еще два месяца назад он был твердо уверен, что сегодня она будет встречать его на пороге. А иногда эти же воспоминания отзывались теплой и ласковой печалью, и Ян никуда не хотел от них уходить.

Но так или иначе, а целую квартиру ему было финансово

не потянуть, поэтому следовало или срочно съезжать, или искать приличного соседа.

Ян поехал в общагу, где ему быстро сосватали Коршунова, аспиранта кафедры детской хирургии. Теперь, зная Константина Петровича, Ян сказал бы «подозрительно быстро», а тогда только порадовался, что нашелся единомышленник, коллега и в целом культурный человек, с которым всегда будет о чем поговорить. А главное, не первокурсник, а взрослый мужчина, прошедший сквозь тестостероновую бурю, так что девчонки и пьянки занимают в его жизни значительное, но не приоритетное место.

Впрочем, насчет девчонок можно было не волноваться: Константин Петрович был редкостно красив той холодной скандинавской красотой, которая предполагает скорее восторженное поклонение, чем разнузданные оргии.

Коршунов учился на курс младше и на морском факультете, общих дел у них никогда не было, но глаз невольно цеплялся за такую выдающуюся внешность, так что Ян хорошо знал нового соседа в лицо, зато о характере не имел ни малейшего представления.

При первом знакомстве Константин Петрович произвел на Яна очень хорошее впечатление. Вежливый, умный, аккуратный, что еще нужно для приятного соседства? Разве что немного старомодные манеры, но вначале это даже расположило Яна, напомнив любимый фильм по произведениям Конан Дойля, и ему живо представилось, как они с Коршуно-

вым заживут так же весело и интересно, как Холмс и Ватсон.

Даже в том, что фамилии у них различались только на две буквы, Яну увиделся хороший знак. Но это все лирика, главное, что Константин Петрович готов был платить половину всей суммы, так что у них получалось по комнате каждому плюс одна проходная общая, буквально царские условия.

Немного насторожило предложение общаться на «вы» и по имени-отчеству, «дабы избежать фамильярности на службе». Ладно, подумал Ян, в конце концов, у взрослых людей принято такое обращение, так почему бы и не начать привыкать, и ничего плохого не заподозрил.

Коршунов оказался добросовестным парнем, исправно нес свою часть уборки и хозяйственных расходов, не буянил, но не успел Ян порадоваться отличному соседству, как Константин Петрович вручил ему календарик с обведенными в кружочек некоторыми числами. «Это что, ваш цикл?» – изумился Ян и получил в ответ, что в каком-то смысле да, в календаре отмечены его дежурства. В указанные даты Ян может привести в дом девушку, но в остальные дни ни-ни.

Признав мудрость подобного подхода, Ян передал товарищу встречный документ, который был принят с прохладной благодарностью и пояснением, что девушка – это человек женского пола в количестве 1 шт. От более расширенных гулянок Константин Петрович потребовал воздержаться.

В принципе Ян и сам давно охладел к такому времяпрепровождению. Готовить, потом убирать ради того, чтобы все

напились как свиньи, так себе идея. Но Коршунов оказался вообще непьющим человеком. Раньше Ян знал, что, как бы плохо ни прошел день, вечером всегда можно сесть с Васей на кухне, поговорить по душам, а в особо тяжелые минуты и замахнуть грамм по двести. Теперь нет. Теперь только чай, за которым даже сигаретку не засмолишь, потому что Константин Петрович, видите ли, не выносит табачного дыма.

Нет, здоровый образ жизни – это отлично, и распорядок дня тоже хорошо, ведь у него сейчас самые важные для всей профессиональной судьбы годы, тот самый «золотой час», как у тяжелого экстренного больного. Если успеешь за это время провести все обследования, поставить правильный диагноз и принять нужное решение, у пациента появляется шанс, нет – поезд ушел. Так и Ян, если хочет чего-то добиться, должен именно сейчас наработать мастерство и (что поделать, жизнь есть жизнь) зарекомендовать себя перед вышестоящим начальством. Глупо тратить время на бессмысленный разгул.

Они с Константином Петровичем не подружились, но в духе времени быстро наладили добрососедские отношения и мирное сосуществование, все сложилось хорошо, только Ян никак не мог отделаться от чувства, будто вместо взрослой жизни попал на воспитание к строгому гувернеру. Лучше бы взял в соседи парочку бесшабашных курсантов и сам стал для них старшим другом и суровым наставником.

Только возле дома он вспомнил, что надо купить хлеба,

развернулся и побежал обратно к метро.

* * *

В автобусе Надя мечтала только о том, как щека коснется свежей прохладной наволочки, но оказалось, что дома вместо любимой кровати ждет тетя Люся в сарафане и с пляжной сумкой.

– Айда на пруды! – закричала тетя, как только Надя открыла дверь в комнату. – Я уже все тебе собрала.

– Теть, я с дежурства, хочу спать...

– Ишь, нежная какая! На заливе и поспишь.

– Правда устала.

– Поэтому и устала, что не бываешь на свежем воздухе! Лето проходит, а ты бледная, как дети подземелья. Все, давай, без разговоров.

Надя вздохнула и заглянула в пакет, который тетя Люся сунула ей в руки.

– И нечего смотреть, я все собрала. Или ты мне не доверяешь?

– Ну что ты, тетя Люся, – Надя улыбнулась, но все же убедилась, что в сумке точно лежит купальник и полотенце, и схватила с полки первую попавшуюся книгу, на случай если не уснет на берегу.

– Опять роман! – воскликнула тетя Люся с досадой. – Вот забиваешь ты себе мозги всякой ерундой, Надежда! Все в

облаках витаешь...

– Да где я витаю, – вяло огрызнулась Надя, закрывая входную дверь и думая, как глупо выходить под палящее солнце из сыроватой прохлады подъезда.

– Сама знаешь где, – тут тетя Люся увидела вдалеке трамвай и с удивительной для ее комплекции скоростью помчалась к остановке. Надя потрусила следом.

Им повезло, трамвай подошел тот, что нужно, и водитель подождал двух несущихся ему наперерез женщин, и народу внутри оказалось не слишком много. Пока Надя бросала шесть копеек в кассу и отрывала билетики, тетя Люся, отдуваясь после кросса, заняла им двойное сиденье и пропустила Надю к окну, как в детстве.

– Все мечтаешь о кренделях небесных, – громогласно продолжала тетя прерванный разговор, – все принца ждешь.

Надя показала глазами, что они в трамвае не одни.

– А что такого, я правильные вещи говорю! Уткнулась в книги разные дурацкие, забиваешь себе голову романтикой всякой, а жизнь проходит! Чай, не девочка уже, засиделась!

Надя уставилась в окно, якобы она не вместе с этой дородной женщиной в цветастом сарафане и выкрашенными хной волосами, но это, конечно, было глупо.

– Это все отец тебя разбаловал, – вздохнула тетя Люся и похлопала Надю по коленке, – говорила я ему, но куда там... А теперь что?

– Что?

– Плачевный результат. Я в твои годы уже Ваську родила и ждала Аленку, между прочим.

– Ну вот не получается пока. Это же не от меня зависит.

– Конечно, если будешь сидеть и ждать, пока счастье на блюдечке поднесут. Действовать надо! Спустись на землю в первую очередь и посмотри, есть вокруг нормальные ребята!

Надя побыстрее опустила взгляд, чтобы не смущать нормальных ребят, едущих сейчас в трамвае. У тетиных призывов есть вполне конкретный адресат: она давно хотела свести племянницу с сыном лучшей подруги, который сейчас, очень возможно, проходил аналогичную обработку со стороны своей родительницы.

– Ты про Мишу?

– А чем он тебе плох? Приличный мальчик, руки откуда надо. Или тебе с высшим образованием подавай? Так, знаешь, дорогая моя, доктора на медсестрах не особо-то женятся, у них свои невесты есть.

Надя ничего не ответила.

– Что надулась как мышь на крупу? Правду говорю.

– Да знаю я, тетя! Но что я могу поделать, если Миша сам не звонит.

Тетя Люся засмеялась и обняла Надю, прижав к своему мягкому теплему боку:

– Эх ты, дурища, да разве не знаешь, какой мужик нынче хлипкий пошел. Сам не понимает, чего хочет! Надо брать инициативу в свои руки, а то так и прокукуешь. Пока будешь

из себя принцессу в башне изображать, всех приличных парней разберут. Сама позвони.

– И пригласить на свидание? Но это как-то глупо.

Тетя Люся с шумным вздохом закатила глаза:

– Эх, Надежда-Надежда, всему тебя учить надо... Придумай благовидный предлог! Мы же женщины, хитрость – наше главное оружие!

Надя обернулась к окну, пряча улыбку. Главным оружием тети Люси была, конечно, беспардонная наглость, которую она почему-то считала дьявольской хитростью.

– Ну вот, подумай, деточка, а то годы-то идут, оглянуться не успеешь, как молодость тю-тю. И тогда уж все. Уплывет счастье, и не догонишь.

– Я постараюсь, тетя.

– Вот и умница.

Трамвай бежал, слегка раскачиваясь и звеня на перекрестках, мимо залитых солнцем новостроек.

Надя смотрела на бесконечно длинные дома-корабли, перемежающиеся красными кирпичными башнями и двухэтажными гастрономами-стекляшками. Возле угла одного из них выстроилась небольшая очередь. Или «выбросили» что-то дефицитное, или люди ждут двух часов дня, чтобы купить алкоголь.

Из окна трамвая не видно, но если пройти в глубь такого квартала, будет школа или поликлиника. Уже три остановки проехали, а пейзаж одинаковый, если задремлешь по дороге,

то, проснувшись, так сразу и не сообразишь, где находишься. Типовые дома, типовая жизнь, а другой и не бывает. Другое – это мечты, погрузившись в которые, пропустишь все самое важное и интересное.

Надя вздохнула. Она всегда знала, что мечты ее несбыточны, а любовь – безответна, искренне соглашалась с утверждением тети Люси, что мечты бледнеют и исчезают, когда ты с головой ныряешь в настоящую жизнь, а если и остаются с тобой навсегда, то как память о дерзких надеждах юности, и уже не способны причинить боль. Все это Надя знала, но сердце все равно предательски выпрыгивало из груди всякий раз, когда она видела Костю Коршунова.

Единственная четверка по физике лишила Надю красного диплома медучилища, открывающего дверь в институт, но высокий балл дал право на хорошее распределение, и она поступила работать в клинику детской хирургии. Там и встретила курсанта третьего курса Коршунова. Оба они тогда только начинали свой путь в профессии, но если про Надю непонятно было, что из нее получится, то, глядя на Костю, никто не сомневался, что он далеко пойдет.

Курсант Коршунов был сдержан, сух, нечеловечески эрудирован, фантастически работоспособен и адски требователен. Ну и красив, конечно, что тут говорить...

Это был человек из другого мира, царства свободных, красивых и умных людей, рожденных для великих свершений. Мира, куда простой медсестре невозможно попасть.

Любимые Надины книжки коварно нашептывали обратное, но сказки есть сказки, а жизнь есть жизнь. И все же иногда в душе против воли вспыхивали жгучие искорки надежды...

Правила работы в хирургии не позволяют девушке в полной мере раскрыть свою привлекательность. Нельзя духи, нельзя маникюр, вместо модных тряпочек на тебе белый халат, который к концу смены превращается в невразумительную тряпку, как ты его ни крахмаль и ни отбеливай накануне. Краситься тоже нельзя, во-первых, частички косметики могут попасть в рану, а главное, как наденешь маску, так всему твоему макияжу и конец. Волосы надо убирать под шапочку, и даже обувь должна быть на низком каблуке.

Конечно, после работы ты свободна, и в сестринской можешь переодеться во что хочешь и накраситься в свое удовольствие, и в таком виде помаячить перед ординаторской, чтобы доктора впечатлились, но у Нади в гардеробе самой модной и приличной вещью был именно халат, а краситься она не умела. Точнее говоря, косметика удивительным образом ей не шла, даже странно, вроде бы и лицо у нее блеклое, невзрачное, как раз из тех, про которые говорят, что на нем можно нарисовать что угодно, а вот не получалась из нее красотка, хоть ты тресни! И сама она сто раз пробовала, и поднаторевшие в искусстве макияжа подружки. В итоге все решили, что ей лучше так, к неистовой радости тети Люси, имевшей привычку гоняться за юными прелестницами с мокрым полотенцем и воплями «в шестнадцать лет вы все

красавицы без всякой штукатурки».

Впрочем, какая разница, как выглядит серая мышь, ведь король выбирает королеву... Таковую же красивую и свободную, как он сам.

Надя ни на что не надеялась, но жизнь тем не менее обрела новый смысл.

Собираясь на работу, она загадывала, встретит ли сегодня Костю и получится ли с ним поговорить? Пусть даже этот разговор касается исключительно врачебных назначений, все равно... Иногда разрешала себе погрузиться в мечты, в фантастический мир, где Костя тоже в нее влюбился. Детство, ребячество, но сердцу не прикажешь.

Сразу отчаявшись, что Костя влюбится, она надеялась, что он обратит внимание хотя бы на ее работу, похвалит, что она такая исполнительная и ответственная, как делали другие доктора, но увы...

Быстро выяснилось, что она не была для него ни хорошей, ни плохой, он просто не выделял ее из массы других медсестер. С грехом пополам знал старшую, а остальных не различал ни в лицо, ни по имени.

Однажды она услышала, как он, отчитывая своего сокурсника за то, что тот садится пить чай с сестрами, сказал: «Общаясь с простыми людьми, необходимо оставаться в узком промежутке между фамильярностью и высокомерием».

Тогда Надя с абсолютной ясностью поняла, что она для Кости именно простой человек, то есть никто, тот самый

пресловутый винтик в государственной машине, который надо уважать, пока он на своем месте, но который в любой момент можно быстро и безболезненно заменить на другой. Безликий винтик, никто не будет в него вглядываться, выяснять, чем он отличается в куче точно таких же. И никому не интересно, что у этого винтика на душе, пока он выполняет свою работу.

Открытие было не сказать чтобы таким уж неожиданным и горьким, Надя примерно представляла себе свое место в этом мире уже к шестнадцати годам, просто надежда на взаимность, которой не было и так, теперь угасла окончательно.

Оставалось только верить, что она повзрослеет и перерастет детскую любовь, но этого тоже не случилось. Выросли только мечты, если раньше она представляла, как ходит с Костей на свидания, то теперь в ее воздушном замке они уже поженились и завели детей. А в остальном сердце все так же замирало при виде Коршунова, как и пять лет назад.

А он все так же ее замечал. Разве что имя запомнил, но и в этом Надя не была уверена.

В прошлом году он вдруг спросил, не хочет ли она подрабатывать в больнице, где он сам периодически дежурит, и Надя немедленно согласилась.

Лишние деньги были не особенно нужны, но возможность трудиться плечом к плечу с Костей – бесценна. Она уже вообразила себе, как они вместе едут представляться в отдел кадров, как потом вместе дежурят, понимая друг друга с по-

луслова, но реальность, как всегда, пошла вразрез с мечтами.

Костя просто дал ей координаты, куда обратиться, а когда она устроилась, их смены очень редко совпадали. Хорошо, если раз в месяц, а то и реже.

После академических порядков новая работа поразила своей напряженной суетой, но мало-помалу Надя втянулась в безумный ритм приемника городской больницы, называть который «покой» казалось слегка кошунственным, ибо жизнь там бурлила через край в любое время суток.

Труд был тяжелее, но атмосфера – гораздо более теплой и непринужденной, да и дополнительный доход тоже радовал. Деньги не главное, но все же лучше, когда их больше.

Все шло так хорошо, а вчера она все испортила...

Нужно было просто переснять эту несчастную пленку, но нет, она зачем-то полезла оправдываться, объяснять, жаловаться на плохое оборудование, и получилось только хуже.

Ну да, чертов кардиограф после тысячи ремонтов похож не на медицинскую технику, а на электрическую машину, собранную детьми в кружке «Умелые руки», причем в царской России, но что поделать. Все равно надо стараться, потому что, как говорит папа, если на ужасную технику наложится еще небрежное исполнение, то страшно подумать, куда мы скатимся. Можно подумать, это только в данном конкретном приемном покое такая техническая отсталость, а вся остальная страна трудится на самом передовом и исправном оборудовании. Везде все на соплях и на веревочках, так что на-

до не капризничать, а приноравливаться.

Хотела она доказать Косте, что хорошо работает, а вышло ровно наоборот. Работает плохо, да еще и наглая, спорит.

Раньше он ее в упор не замечал, но хоть думал, что винтик и винтик, не хуже других, а теперь запомнит, как винтик с левой резьбой.

Нет, пора заканчивать с этим безумием... Почему бы, например, не влюбиться хотя бы в Яна Колдунова, который тоже очень красивый и умный парень? Нет, это, пожалуй, было бы еще хуже. Ян Александрович как бы свой человек, как бы кажется, что с ним все возможно, что он видит в тебе равную себе, хоть ты и медсестра, но доброта эта обманчива. Вот парадокс, для него искренняя, а для тебя обманчива. Он будет тебе помогать, смеяться с тобой, интересоваться, как ты живешь и чем дышишь, и ты поверишь, что у тебя может быть что-то серьезное с таким добрым и теплым человеком. А это не так.

Велик соблазн поверить во всю эту чушь о всеобщем равенстве, но жизнь не подчиняется лозунгам. Тот же какой-нибудь политический обозреватель будет в телевизоре радоваться, как все слои нашего общества живут счастливо и дружно, в едином порыве стремясь к коммунизму, а дома его инфаркт хватит, если сын приведет в качестве невесты лимитчицу с майонезного завода. И расстроится он не только и не столько из-за прописки и других материальных благ, а главным образом оттого, что войдет в семью инородное тело,

человек других привычек и культуры. Как говорится, можно вывести девушку из деревни, но деревню из девушки...

Не в том дело, что одни хорошие, другие плохие, а просто разные. Разные цели, разное мировоззрение, разные привычки, трудно таким людям приспособиться друг к другу, а порой и невозможно. Разве что один готов полностью отречься от себя ради другого, но и то другому это должно быть сильно надо... Так что права любимая поговорка тети Люси – всяк сверчок знай свой шесток.

Пора, пора ей остепениться, не книжки читать, а коляску качать. Сколько можно, в самом деле, опьяняться несбыточными мечтами?

Найти подходящего парня себе под стать... Не так это просто, как представляется тете Люсе, ведь любимая племянница красавица только в ее глазах, а для других обычная серость. Не урод, но и не от чего с ума сходить.

И умом, кстати, тоже не блещет, если уж на то пошло. Сын тетиной подруги скучный Миша – действительно ее максимум.

Надя спохватилась и достала из кармана билетики, проверить, не попался ли счастливый. С усилием сложила в уме первые и последние три цифры номеров. Нет, ни в том, ни в другом билете не получилось одинакового значения. Опять не судьба... Счастливый билетик попался ей единственный раз, но зато какой! Даже считать ничего не пришлось, три-три-шесть и шесть-три-три. Редкая удача, но Надя тогда не

решилась его съесть, как положено, просто носила в кошельке. А потом билетик затерялся, и ничего особо счастливого так и не случилось.

И вообще, счастье – это когда ты все делаешь правильно и живешь достойно. Выходишь замуж за приличного парня, такого, например, как тетин идеал Миша. Положительный, хорошо зарабатывает, с таким не пропадешь. Детей можно рожать спокойно, зная, что будут сыты и одеты. Потом дети вырастут, выучатся и уедут, а ты растолстеешь и покрасишь волосы хной, Миша станет начальником участка, у вас появятся шесть соток в садоводстве и «москвич». Или даже «жигули». Будете возить в багажнике помидорную рассаду, теревить детей насчет внуков и думать, что жизнь удалась.

Вот тетя Люся живет так и счастлива. Сотки, правда, еще в зародыше, на стадии раскорчевки, и слава богу, иначе ясно, где бы проводила лето любимая племянница, но все остальное в комплекте. Надо пример с нее брать и не мечтать о чем-то большем. Точнее говоря, не о большем, а о чем-то совершенно принципиально другом.

Хочется быть рядом с человеком, который рассуждает не о премиях и прогрессивках, а о том, как победить рак. Который не скандалит с бригадиром за полчаса переработки, а сутки не выходит из клиники, потому что у него тяжелый больной. И в выходной день он идет не к пивному ларьку, не в гараж, а в библиотеку...

Но чтобы быть рядом с таким человеком, надо было самой

родиться и вырасти в совсем другой среде. Или с детства переламявать эту среду, общаться совсем с другими людьми, в крайнем случае, самой ходить в библиотеку, причем не как героиня фильма «Москва слезам не верит», а действительно читать книги.

Стиснув зубы, отнести документы не в медучилище, а в девятый класс, бороться за медаль и поступать в институт, тогда да, тогда был бы шанс. А теперь что ж... Слишком далеко она уже продвинулась по торному пути тети Люси...

За этими печальными мыслями Надя чуть не пропустила остановку, тетка буквально сдернула ее с сиденья.

– Вот, кстати, позови Мишу в выходные на залив, – подмигнула тетя, когда они прошли ворота парка и по узкой гравиевой дорожке направились к прудам, – скажи, что подружки дежурят, а одна ты боишься.

Надя улыбнулась:

– Днем на заливе? Что там страшного?

– Да какая разница? Мужчины любят, когда женщины боются всякой ерунды, такой повод показать себя героем, ничем не рискуя! Боишься, что к тебе парни пристанут, господи, каким азам тебя приходится учить! Естественно, он, как рыцарь, с тобой попрется, а там уж купальничек, то-се... Покажешь товар лицом, только, Надежда, чтобы у меня без глупостей! – тетя Люся крепко взяла ее за локоть. – Помни, что надкусанное яблочко никому не надо! Заруби это себе на носу!

– Да уж давно зарубила, тетя.

– А ничего! Повторение – мать учения!

* * *

В отделении, как обычно, внезапно закончился водорастворимый контраст, а больного пора было готовить к выписке, сделать фистулографию перед удалением дренажа, и Ян пошел побираться по отделениям.

В урологии его послали сразу, в нефрологии сначала посоветовались, сами пожаловались на тяжелую жизнь, но после тоже послали, Ян расстроился было, но сообразил, что не так давно в этой больнице открыли ангиографию и там-то уж контраст точно найдется.

Старшая сестра по большому благу дала ему ампулку с требованием держать это в строгом секрете, а то «все начнете бегать, так и не напасешься». Поклявшись даже под пытками не выдать, где взял контраст, Ян отправился к себе, но по пути заглянул в операционную. Там как раз производилась ангиография. Врач показалась ему знакомой, он прищелкнул и под шапочкой и маской узнал Соню. Встреча была приятной, и он, быстро натянув колпак и за неимением маски закрыв лицо воротником халата, открыл дверь.

– Куда без фартука? – тут же накинулась на него медсестра. – Здесь рентген!

Ян не особо боялся смертоносного излучения, но все же

ретиrowался и стал смотреть за работой Сони через стекло.

Минут через десять она закончила, эффектным жестом начинающего хирурга бросила перчатки в тазик и вышла к нему в предоперационную.

– Дай хоть за тобой поухаживаю, – Ян подошел к ней со спины, развязал тесемки стерильного халата и с треском расстегнул липучки рентгеновского фартука.

Соня сбросила фартук ему на руки, как норковое манто.

– Ого, тяжелый, – сказал он уважительно, – как рыцарский доспех.

– Защищает от излучения, – улыбнулась Соня.

– Я и не знал, что ты в рентгенхирургию подалась.

– За ней будущее! Сейчас пока только диагностика, но скоро мы научимся под рентгеновским контролем и бляшки удалять, и опухоли эмболизировать! Представь! – Соня говорила с азартом, который очень ей шел: – Больной пришел амбулаторно, раз-раз – и все! Дело сделано – и без всякого риска для пациента!

– Ну классическим методом все-таки надежнее.

– Конечно! – засмеялась Соня. – По колено в крови, половина органокомплекса в тазике!

– Зато видно, что доктор поработал.

– Дело вкуса, конечно.

– Истина все равно где-то посередине. Немножко так, немножко эдак. По показаниям все.

– Ты, как всегда, прав, Ян. А ты теперь тоже здесь рабо-

таешь?

– Нет, временно закрываю своим телом кадровую дыру. В сентябре откочую на свое рабочее место.

– Жаль, что так.

– Мне тоже.

Повисла неловкая пауза.

– Ладно, Ян, – наконец сказала Соня, – надо работать.

– Мне тоже. Но я еще зайду.

Она кивнула с тонкой непонятной улыбкой.

Ян сделал фистулографию, безропотно выслушав негодующие крики рентгенолога, который в лучших традициях ораторского искусства сначала возмущался жизнью в целом, потом хирургами, которым вечно все надо прямо сейчас и в последнюю секунду, а под конец заклеил позором конкретно доктора Колдунова, ибо ему этого всего надо больше всех, так что вообще непонятно, чему его учили в его военно-медицинском ПТУ.

Слушать такое было немножко обидно, но Ян пропустил мимо ушей, уже зная, что этому доктору ругаться необходимо так же, как дышать, зато дело свое он знает туго.

Потом Колдунов отвел своего пациента-ипоходрика на консультацию к профессору Смирнову, древнему дедушке, давно выжившему из ума. В основном Смирнов выращивал в своем кабинете кактусы, коих у него развелась внушительная коллекция, но иногда вспоминал, что является светилом

терапии, и требовал жертв. Средняя консультация длилась у него полтора часа, час из которых он собирал анамнез, по три раза переспрашивая одно и то же, а оставшееся время производил физикальный осмотр, хотя почти ничего не видел и не слышал. Иногда мог вздремнуть посреди осмотра, виртуозно притворяясь, что просто глубоко задумался над диагнозом. Если больной был ипохондрик и симулянт, профессор выдавал какой-нибудь несуществующий, но модный и красивый диагноз типа «дуоденостаза», но у настоящего сложного и непонятного пациента находил болезнь под любой маской.

Ян никак не мог понять, как это у деда получается услышать фамилию больного и предполагаемый диагноз только с третьего раза, но, вдев в глухие уши фонендоскоп, засечь нежный диастолический шум. Или теми же самыми глазами, которым требуется двое очков и лупа, чтобы прочесть газету, увидеть микроскопические кровоизлияния на коже.

Не зря говорят, что профессиональные навыки отмирают последними...

Сегодня Колдунов ничего интересного от Смирнова не ждал, просто хотел, чтобы нудный и мнительный пациент получил ударную дозу внимания и на некоторое время отцепился от него самого.

На этом рабочий день подошел к концу, и Ян собрался в библиотеку, визит куда давно откладывал под разными благовидными и не очень предложениями. Переодевшись в ордина-

торской, он даже немного попрыгал, как боксер перед поединком, укрепляя боевой дух, но мысль о научной работе оказалась такой невыносимо тоскливой, что Ян почти против воли заглянул в ангиографию, проверить, не ушла ли Соня.

Она сидела перед негатоскопом и дописывала заключение. Сосуды на снимке напоминали то ли реку со множеством притоков, то ли молнию, то ли одинокое облетевшее дерево в хмуром ноябрьском небе.

– Если подождешь пять минут, подброшу тебя, – сказала Соня, не отрываясь от работы.

– Высоко подбросишь? – засмеялся Ян.

– Куда тебе надо или до метро.

– Мне в библиотеку.

– Хорошо.

Ян сел в уголке на стул, чинно сложив руки. Соня писала вдумчиво, будто стихи сочиняла. То поглядит на снимок, то задумается, покусывая колпачок ручки, то примется быстро строчить в истории, склонив голову. Ян смотрел на длинную тонкую шею, нежные завитки волос и вспоминал, как сильно Соня нравилась ему.

А потом в его жизни появилась любовь, которой он не звал и не хотел и в которую вообще не верил... Ян вздохнул.

– Сейчас, сейчас, – сказала Соня.

– Я никуда не спешу. Особенно в библиотеку.

Пока шли к Сониной машине, Ян вспомнил, что его божественный сосед сегодня дежурит.

– А хочешь, заедем ко мне, посмотришь, как я живу? – осторожно спросил Ян, устраиваясь на пассажирском сиденье.

Соня повернула ключ зажигания и рассмеялась:

– Что же у тебя за удивительный быт, что за царские покои? Янтарная комната? Или египетская пирамида?

– А вот узнаешь.

– Заинтриговал.

– Поехали, тем более что тут недалеко. Просто посидим, вина попьем...

– Я же за рулем.

– Ну все равно, тормозни у гастронома. К чаю тогда чего-нибудь возьму.

– Ян, не будем лицемерить.

– А, да?

Соня молча улыбнулась.

Войдя в дом, она огляделась.

– Вот, значит, как вы живете...

– Ага, – Ян обнял ее за талию, но Соня мягко отстранилась.

– Давай хоть кофе все-таки попьем для мелкобуржуазного приличия.

Ян рванул в кухню, зажег газ и достал две самые приличные чашки в цветочек. Заглянул в холодильник, хоть и знал,

что там ничего интересного нет, кроме кастрюли питательного борща, сваренного Константином Петровичем с учетом законов физиологии и гигиены. На всякий случай он спросил:

– Супчик будешь?

Соня отрицательно покачала головой и села на табуретку.

– Слушай, Ян, ты, если что, не рассказывай папе, что мы общаемся.

– Ну, во-первых, у нас с ним не те отношения, а во-вторых, почему?

– Он о тебе даже слышать не хочет.

– Да? – Ян искренне удивился. Любить его у профессора Бахтиярова особых поводов не было, но все же после того, как Ян не стал топить его за явную врачебную ошибку, Со-нин отец стал с ним весьма любезен и даже хвалил за хорошую работу.

– Пойми правильно, он ценит тебя как специалиста, но они с мамой чуть меня не убили, когда я сказала, что мы с тобой весной виделись.

– Так мы тогда просто поговорили, и все.

– Ну так именно! Но если я все забуду и снова стану с тобой встречаться, то я им не дочь.

Ян нахмурился:

– Сонь, я тогда с тобой действительно поступил некрасиво, только ведь...

– Ничего не было, хочешь ты сказать?

– Ну да...

– Так именно! Но ты же мне предпочел другую девушку, как пережить столь страшное оскорбление, – Соня засмеялась, – это ж, получается, признать, что я второй сорт или даже третий, который не брак.

– Вот чего не было на уме, так этого!

– Да я-то понимаю, но помни, Софья, – она приосанилась, изображая своего отца, – никому не позволяй унижать себя, раз и навсегда усвой, что главное в человеке – это чувство собственного достоинства!

– Не поспоришь, – улыбнулся Ян.

– А чувство собственного достоинства наступает у моих родителей, только когда мир крутится вокруг них, только когда все им поклоняются и прислуживают, иначе они чувствуют себя униженными и оскорбленными. Поэтому мысль о том, что я прощу человека, если он отверг такой идеал, как я, и полюбил другую, вызывает у них нервные судороги.

– А ты простишь?

– Ян, так даже вопрос нельзя ставить. Ты ни в чем не виноват передо мной.

Чайник закипел. Ян еще раз заглянул в холодильник, потом в хлебницу. Чуда не случилось.

– Насыпай себе кофе, – сказал он, откупорив серебристую банку с помощью черенка ложки, – больше нечем показать тебе свою гостеприимность. Дома шаром кати, зря в гастроном не заехали. Еще и курить теперь нельзя в квартире.

– И так хорошо.

– Так ты правда не сердишься на меня за то, что было?

Соня засмеялась:

– Точнее, не было.

– Просто скажи, сердишься или нет.

– Ни капельки. Я себя царицей мира не считаю.

– А зря.

– Ян, серьезно, прекрати! Если бы у нас с тобой сейчас были какие-то серьезные намерения, то я бы призадумалась, конечно. Страшновато было бы выходить за тебя замуж, понимая, что раз ты однажды ушел к другой, то и снова можешь уйти. А так, повстречаться просто ради удовольствия – почему бы и нет?

Ян нахмурился:

– Я вообще-то, если что, не только ради удовольствия.

– Ну а я только. Ни о чем другом даже не начинай задумываться.

– Да?

– Ну конечно! Ты хороший парень, Ян, с тобой весело и интересно, а больше мне ничего не нужно.

– Так приятно это слышать, – буркнул Ян.

Соня рассмеялась:

– Можно подумать, ты хотел чего-то другого? Нет?

– Ну я не знаю...

– А я знаю. Интересные вы все-таки люди, мужики! Прибалтываете девушку на секс и ничего, кроме секса, в голове

не держите, и в то же время хотите, чтобы эта девочка была в вас страстно влюблена и только и мечтала за вас замуж! Без этого постель вам почему-то не в радость... И я даже догадываюсь почему.

– Интересно было бы услышать.

– Потому что если женщина, типа, не хочет, то она ваша добыча, и можно не стараться, взять по минимуму, а если хочет, то она уже деловой партнер, и приходится учитывать ее интересы тоже.

– Фу, какая пошлость, – кисло сказал Ян. Из уст Сони такое слышать было не очень приятно.

– Жизнь вообще пошлая штука. – Соня заглянула в сахарницу, поскребла ложкой по слежавшемуся в монолит песку и тут же бросила это занятие. – Ну что, приличия соблюдены, пошли на диванчик?

– Я еще не допил.

– Ты только не думай, пожалуйста, что разбил мне сердце и теперь я такая: «Ха-ха-ха! Любовь обман, жизнь дерьмо, будущего нет!» И демонически хохоча, погружаюсь в пучину цинизма и разврата. Ничего подобного.

Ян улыбнулся и погладил Соню по коленке.

– В общем-то, наверное, и нет разницы, о чем мы сейчас говорим?

– Да нет, Ян, есть. Я хочу, чтобы в этот раз между нами было все сразу ясно.

– Разве так бывает?

– Теперь тебя понесло в пошлятину.

– И то правда.

Ян встал, подал ей руку и притянул к себе. От волос Со-
ни пахло солнцем и немножко антисептиком, он провел ла-
донью по спине, по бедру, чуть задержался перед тем, как
поднять ей юбку.

Соня обняла его, губы их соприкоснулись, но вдруг она
напряглась и отстранилась:

– Что-то не то...

– Все то, – хрипло сказал Ян и снова попытался прижать
ее к себе, но Соня отступила.

– Нет, не то, разве ты не чувствуешь?

Он осторожно взял ее за руку:

– По мне, так все очень даже то, что надо...

Соня помедлила секундочку, но потом все-таки высвобо-
дила ладонь.

– Нет, Ян, что-то перемудрили мы с тобой, – вздохнула
она. – И правда не годится вслух обсуждать такие вещи.

– Не я завел этот разговор.

– Ну да, это я дура.

– Сонь, да все в порядке, правда.

Она поморщилась:

– Какое там! Теперь у нас получится не секс, а какая-то
бухгалтерия!

Ян подумал, что и правда так, и в этот раз не стал удер-
живать девушку. Через секунду Соня уже стояла в коридоре,

поправляя прическу перед зеркалом.

Ян тяжело вздохнул и надел ботинки.

– А ты куда?

– Провожу.

– Да ну, глупости.

– Провожу, как раньше.

– Да зачем, я ж за рулем.

– Хоть на машинке покатаюсь. Надо ж как-то отвлечься от зова плоти теперь.

– Прости, пожалуйста, я совсем не подумала о твоих чувствах.

– Ничего страшного, я о твоих тоже мало думал.

По дороге они почти не разговаривали, Ян смотрел в окно, раздумывая, обижаться ему или не стоит, так ничего и не решил, но, когда подъехали к Сониному дому и остановились за углом для конспирации, чтобы, не дай бог, не заметили родители, они все-таки поцеловались так нежно и искренне, что все глупые мысли мгновенно вылетели у Яна из головы.

* * *

Конечно, Надя ходила на работу не только для того, чтобы восхищаться Костей Коршуновым. К медицине душа у нее лежала с детства, и со временем она не разочаровалась в своем выборе, как это иногда бывает, когда узнаешь профессию со всех сторон. Наоборот, с каждым днем становилось все

интереснее и интереснее.

Считается, что работать с детьми – занятие не для слабонервных, но Надя рискнула и никогда потом не пожалела о принятом решении.

Ребятишки к ней льнули, и даже самое отпетое хулиганье из подростков, томящихся на обследовании, в ее смены не позволяли себе лишнего, хоть Надя считалась медсестрой не просто доброй, а даже слишком добренькой.

Сейчас за ней по пятам ходила Юлечка, поступившая в больницу из детского дома, девочка с множественными пороками развития и умственной отсталостью. Надя однажды взяла ее на ручки, и с тех пор маленькая пациентка ее уже от себя не отпускала. Стоило Наде прийти на работу, как Юля бежала к ней. Это немножко мешало работать, но у Нади духу не хватало оттолкнуть ребенка, с которым жизнь обошлась так сурово.

Не избалованной человеческим вниманием Юлечке, в общем, для счастья-то много и не надо было, просто чувствовать рядом кого-то спокойного и теплого.

Надя снимала назначения, а Юля тихонько сидела у нее на коленках, покручивая пуговицу халата.

Истории Коршунова Надя, как обычно, оставила на сладкое, сначала взяла папку заведующего, ибо его вавилонскую клинопись можно было разбирать только на свежий глаз. Кроме того, его рука не признавала заботливо прочерченных Надей полей, и назначения он писал где угодно, только не

там, где положено, указывая путь к ним сложной системой стрелок, и порой приходилось хорошенько поломать голову, чтобы разобраться во всех этих таинственных письменах. На его фоне истории Кости выглядели просто эталоном каллиграфии, и старшая сестра порой ставила их заведующему в пример, на что тот отвечал в том духе, что, когда Константин Петрович научится так же оперировать, как пишет дневники, тогда и поговорим. А пока, граждане, терпите. Возразить на это было нечего, оставалось только проявлять смекалку.

Надя так задумалась над очередным иероглифом заведующего, что не заметила, как подошли Коршунов с Яном Колдуновым.

– Привет, Надюша! – улыбнулся Ян, а Костя взглянул как будто с неприязнью.

– Позволю себе напомнить, что вы постовая медсестра, а не нянька, – отчеканил он так строго, что Надя не нашлась, что ответить.

– Почему-то я постоянно вижу вас играющей с детьми, тогда как вы должны выполнять свои прямые обязанности, – продолжал Коршунов.

– Да будет вам, Константин Петрович, – засмеялся Колдунов и наклонился к Юлечке, – просто Надюша сегодня работает с помощником, верно? Смена растет!

Он подмигнул девочке, и та быстро повернулась к Яну левой стороной, показывая изуродованное ушко.

Наде стало не по себе от этой готовности ребенка услу-

жить, сделать то, что от нее требуется. На обходах студентам демонстрировали это ушко как симптом множественных пороков развития, и Юлечка, видно, запомнила, что от нее нужно людям в белых халатах.

Яну, видно, тоже сделалось грустно, потому что он быстро погладил Юлечку по голове, пробормотав «ничего, ничего, малышка».

– Вы отложили истории больных под наблюдением? – спросил Коршунов.

– Да, конечно.

– А контрольные анализы заказали?

Надя отрапортовала, что уже взяты и через полчаса будут готовы.

– Очень хорошо. – Коршунов взял папку с историями больных под наблюдением. От долгого использования изображение адмиралтейского кораблика на ней почти стерлось, а тесемки растрепались, и Надя видела, что Косте неприятно держать в руках такую потертую старую вещь. – Так, вижу, лейкоциты не растут, температура нормальная... Ну что, Ян Александрович, можете исключить аппендицит? Все же шестнадцать лет – это возраст ближе к вашим пациентам, чем к моим.

– Один момент, – Ян взял у Нади Юлечку и высоко поднял ее на вытянутых руках, – полетаем немножко и все исключим.

Надя улыбнулась. Вспомнилось, как папа так же подбра-

сывал ее на руках, может быть, не сама игра, но чувство удивительного покоя в этой высшей точке под потолком. Мама смеялась, кричала «осторожно, осторожно», но ясно было, что ей не страшно, что она точно знает, папа никогда не выпустит дочь из рук.

И Юлечка сейчас смеялась так же звонко и заливисто, как и Надя тогда, как вообще смеются все дети на земле, когда счастливы.

Колдунов кружился и гудел, как самолет. Надя не могла сдержать улыбки и думала, как хорошо, что клиника только открылась после отпуска, больных еще мало, и в основном это уже большие дети, иначе молодому доктору пришлось бы летать с ними до утра.

Константин Петрович нахмурился и демонстративно взглянул на часы:

– Разрешите напомнить вам, Ян Александрович, что дети – это наши пациенты, а не игрушки.

– Ладно, ладно, – обещал Колдунов, переводя дыхание, – последний заход на цель – и иду.

Надя замороженно смотрела, как он быстро, но бережно проносит ребенка по широкой дуге, будто самолет заходит на посадку.

Внезапно Костя наклонился к Наде и внимательно посмотрел ей в глаза:

– Я вижу, вы добрая девушка, – сказал он негромко, – но мой вам совет, не привязывайтесь слишком сильно к этому

ребенку.

Когда Ян вернул ей Юлечку, Надя обняла ее крепко-крепко. Пусть так, но даже самый больной и убогий человек имеет право получить свою порцию радости.

Доктора пошли смотреть ребенка с подозрением на аппендицит, и напоследок Надя поймала взгляд Кости, то ли жалостливый, то ли брезгливый. Этот взгляд был Наде хорошо знаком, так многие смотрели на больных детей. В теории, на словах жалели, а на деле сторонились, старались поскорее оказаться от такого малыша как можно дальше и вообще забыть о нем. Может, бессознательно боялись чем-то заразиться, а может, просто не хотели расстраиваться.

Костя, понятное дело, таких страхов не испытывал, но дети были для него всего лишь пациентами, сырьем для работы, как тесто для пекаря или мрамор для скульптора.

Наде было очень жаль, что Коршунов такой равнодушный и холодный человек, немного грустно, что он, видя ее с дефективной Юлечкой на руках, невольно переносит часть своего отвращения и на нее саму, но что-то изменить она была не в силах. Костя такой, как есть, и она тоже, и любовь так сильно пустила корни в ее сердце, что уж непонятно, какими чудовищными пороками избранника можно ее вытравить. Остается только радоваться, что чувства ее безответны, и как бы дальше там ни повернулось, а жить с этим черствым сухарем Наде никогда не придется.

Приближался конец Яновой барщины. Белые ночи давно сменились темными и таинственными августовскими вечерами, кое-где начала подсыхать и желтеть листва, подступили еще по-летнему шумные, но уже долгие и промозглые осенние дожди, утренние часы дышали туманом. Начиналась осень, а с нею новый учебный год и новые надежды.

Яну льстило, что он понравился своим временным коллегам настолько сильно, что его не хотели отпускать, и начмед даже собирался пробить клиническую базу кафедры, чтобы Ян мог и дальше работать в этой больнице. План был хорош и всех устраивал, но для его реализации следовало подождать минимум два года, когда Ян защитит диссертацию и станет полноправным сотрудником кафедры. А сейчас ему предложили пару-тройку дежурств в месяц, от чего Ян, естественно, отказываться не стал.

Неплохая стипендия, дежурство тут, дежурство там, и, сложив все свои финансы, Ян вдруг с удивлением осознал себя богатым человеком. После многолетней привычки к нищете это оказалось довольно странное и грустное чувство.

Юный голодранец, перебивающийся от стипендии до стипендии, а случайные подарки судьбы беззаботно спускающий на разные плотские удовольствия, уходил в прошлое, а на смену ему появлялся респектабельный мужчина с кон-

кретными целями и серьезными планами на жизнь.

Теперь доходы позволяли завести, например, сберкнижку и копить на автомобиль. Или на первый взнос за кооператив.

И уж конечно, такому солидному человеку в первую очередь необходимо подумать о женитьбе. Ян думал, и, надо сказать, гораздо чаще, чем о машине или жилищном вопросе.

Он скучал по Соне, да и Оля, внезапно вынырнувшая из прошлого, вызывала самые теплые чувства.

Ему приходилось почти каждый день видеться с обеими девушками по работе, и, черт возьми, они обе нравились ему! Но обе вели себя подчеркнуто по-дружески, упорно не понимая тонких и не очень намеков.

На первый взгляд между милой Олей и сдержанной Соней было мало общего, но обе они были хорошие девушки, и Ян знал, что мог бы, что называется, построить семью и с той и с другой. Если бы хоть одна из них согласилась, а не держала его за коллегу и приятеля.

Оля с Соней обе происходили из профессорских семей, находящихся в довольно близких отношениях, поэтому дружили с детства и теперь, работая в одном учреждении, снова сблизились. Они вместе ходили обедать, Соня подвозила Олю почти каждый день, так что Ян в редкие свободные минуты постоянно встречал их вдвоем, а клеиться к одной в присутствии другой, когда в свое время ухаживал за обеими, казалось ему очень некрасивым.

А главное, он, черт возьми, не знал, которая из девушек нравится ему больше!

Все-таки любовь разорвет тебе сердце, но с ней ты точно знаешь, зачем живешь, и видишь свое будущее так ясно, будто стоишь на вершине горы в погожий день... С Наташей он ни о чем себя не спрашивал, ни в чем не сомневался. Они были предназначены друг другу, вот и все.

Наверное, такое бывает раз в жизни, и если не получилось сберечь выпавшее на твою долю чудо, то оно никогда не повторится. И это справедливо, нечего роптать, а надо жить жизнь такую, как есть. Стать хорошим мужем для хорошей девушки, с которой уже было хорошо, не по-небесному, а по-земному.

Только вот для которой из них, вопрос...

В последний день работы Ян, как положено, проставился, накрыл в ординаторской скромный, но изысканный стол (две бутылки коньяка, бутылка водки, триста грамм сыра, банка шпрот и коробка конфет «Вдохновение» на закуску), но никогда так не бывает, чтобы хирурги сели отмечать, как собирались. Стоило заведующему скрутить золотистую пробку с коньяка, как поступила ущемленная грыжа.

Ян дернулся было в операционную, но ему, как герою дня, сказали отдохнуть, заведующий пошел сам, строго наказав, чтобы без него ничего не трогали.

Решив, что это судьба, Колдунов спустился в рентгенов-

ское отделение, но Соня уже ушла домой. Пока Ян соображал, рад он этому или огорчился, ноги сами понесли его наверх, в терапию. Может быть, судьба ждет там?

И действительно, Оля была еще на месте, ожесточенно строчила дневники. Похоже, работы у нее оставалось еще много, потому что, нетерпеливо кивнув Яну, она вернулась к своему занятию, даже не спросив, что ему нужно.

Он посмотрел немного в окно, на широкую панораму новостроек, где дома уже обогнали в росте тополя и липы. Высокий кран, за работой которого он с таким интересом наблюдал в прошлый раз, переехал на другой объект, и теперь его стрела виднелась где-то вдалеке и казалась совсем маленькой.

Солнце сияло тепло и ярко, как летом, небо было высоким и бездонным, но в его прозрачности уже ощущался холод будущей зимы...

– Хочешь кофе? – спросила вдруг Оля, и Ян очнулся от задумчивости. – У меня бразильский, между прочим.

– Может, лучше в кафешку? – прозвучало это неожиданно жалобно, и Ян поморщился.

– Ян, вот ты какой-то непонятливый, – засмеялась Оля, – вроде бы умный парень...

– Да, я такой.

– А слово «нет» для тебя почему-то пустой звук.

– Ну я ж мужчина. Так и должно быть.

Оля засмеялась:

– Так кофе-то в итоге будешь пить?

Буркнув, что не будет, Ян вернулся к созерцанию пейзажа. Далеко внизу по проспекту ехал грузовик с щебнем, за ним карета «скорой помощи» и желтый «икарус» с гармошкой. По рельсам спешил, покачиваясь и звеня, трамвай, а на перекрестке кучка по-летнему ярко одетых пешеходов терпеливо ждала, когда включится зеленый свет. У киоска «Союзпечати» змеилась небольшая очередь, возможно, привезли какой-нибудь дефицитный журнальчик. Приглядевшись, Ян заметил, что очередь состоит в основном из детей, значит, это «Мурзилка» или «Веселые картинки», а может, «Пионер». Жизнь кипела, и Яну хотелось стать частью этой жизни, а не мрачным призраком, который чувствует себя живым только на работе, а выходя в мир, щурится от яркого солнца, яростно борется со сном и в целом не знает, что ему делать несколько часов до следующего дежурства.

– Я думаю, Оля, что у нас с тобой могло бы получиться, – сказал он почему-то хрипло и сглотнул.

– Могло бы. Тогда.

– И сейчас.

Она со вздохом покачала головой:

– Нет, Ян. Чуть бы пораньше еще возможно, да и то вряд ли. А сейчас я думаю, что скоро выйду замуж. И немножко не за тебя.

– Да? А за кого? Ты извини, но я не знал, что у тебя роман. Не стал бы тогда приставать.

– Если честно, романа как такового нет, – улыбнулась Оля, – это скорее династический брак.

– Да? А такие бывают в наше время?

– Конечно. Я серьезный человек, он серьезный человек, родители одобряют, почему бы и нет?

– А как же любовь?

– А ты вот меня прямо любишь?

– Ну как... Если ты серьезно спрашиваешь, то любил тогда и знаю, что смогу полюбить тебя снова.

Оля засмеялась, и Ян хотел сказать, что в такие ямочки на щеках нельзя не влюбиться, но промолчал.

– Знаешь, Ян, это, конечно, очень интересно, но довольно зыбко и неубедительно. Как полюбишь так и разлюбишь, и вообще очень глупо менять общие деловые интересы и блестящие перспективы жениха на любовь, которой даже еще и нет.

– Думаешь? – мрачно спросил Ян.

– Ну да. Старая любовь прошла, а новая еще не родилась.

Закрыв историю болезни, Оля встала из-за стола и подошла к Яну. Ласково погладила по плечу, как ребенка:

– Ты вот обещаешь влюбиться, а даже не знаешь, какая я, – сказала она тихо, – тебе кажется, что я милая и добрая, а на самом деле я холодная и расчетливая стерва.

– Ой, прямо-таки.

– Представь себе. Ты мне нравишься, и раньше, и сейчас, но просто погулять – это вообще не мое, а для семьи ты со-

всем не годишься.

– Это почему это? – оторопел Ян.

– Так а кому нужен муж, который приходит домой только поесть и поспать, да и то не каждую ночь?

– Кое-что еще забыла.

– В чем, надо полагать, ты великолепен, – фыркнула Оля. – Ян, пойми меня правильно. Ты очень крутой парень, но ты – это только ты, и ничего больше ты девушке не можешь предложить.

– Я понял.

– Не обижайся.

Заверив Олю, что не держит зла, Ян ушел. Стало быть, судьба не ждет его и здесь. Где же тогда? Похоже, в ординаторской хирургии, где мужики уже наверняка вернулись из операционной и нетерпеливо поглядывают на накрытый стол... Надо поторопиться.

* * *

Папа почти каждый вечер бегал в парке, и Надя старалась составить ему компанию, особенно теперь, когда брат ушел в армию. В любую погоду папа надевал старый, пронзительно-синий с двумя узкими белыми полосками по вороту спортивный костюм и шерстяную шапку с греческим орнаментом и помпоном, на ноги – верные шиповки, которые тоже давным-давно следовало обновить, и в целом выглядел как при-

вет из шестидесятых, а в последние годы стал немного похож на незадачливого приятеля высокого блондина в черном ботинке из своей любимой французской комедии. До недавнего времени Надя бегала с ним в пошлых трениках и футболке, но на последний день рождения тетя Люся преподнесла ей поистине царский подарок – турецкий спортивный костюм с широкими красными штанами и красной же курткой с черными узорами. К этой удивительной красоте Надя быстренько связала красную полоску на голову, именуемую в народе «менингиткой», и сразу сделалась похожа на настоящую модную девчонку, если не считать, конечно, кед. Но тут уж нечего привередничать, достать кроссовки все равно что луну с неба.

Каждый раз, собираясь на пробежку, она мечтала, что вдруг, может быть, благодаря каким-то фантастическим обстоятельствам Костя Коршунов окажется этим вечером в их районе и увидит, как она бежит. И заметит, какая она в спортивном костюмчике и повязке на голове... И вдруг влюбится...

Но мечты мечтами, а у Кости не было и не могло быть никаких дел рядом с ее домом.

Наде не очень нравилось нарезать круги по небольшому парку возле домостроительного комбината, она бы лучше прогулялась по району, но папа утверждал, что по асфальту можно бегать, только если хочешь в хлам разбить свои колени.

Приходилось изо дня в день наслаждаться одним и тем же пейзажем и сталкиваться с одними и теми же собаками, вышедшими на вечерний выгул, которые уже знали Надю с папой так хорошо, что не лаяли на них.

Трасса была настолько знакома, что Надя на бегу почти не смотрела по сторонам, погружалась в мечты о Косте глубоко-глубоко, будто засыпала. Не зря, наверное, в английском языке мечты и сны обозначает одно и то же слово.

Но в последние дни эти приятные, хоть и несбыточные грезы вытеснялись мыслями о Юлечке. Надя все время думала, как она там, хорошо ли с ней обращаются медсестры и другие дети, весело ли ей...

Если бы только Надя была уже замужем, удочерила бы несчастного ребенка. Она работает сутки через трое, могла бы заниматься девочкой, водить ее по врачам и дефектологам. Чудес не бывает, здоровой Юлечка не станет, но можно довести ее до максимально хорошего уровня, потому что сейчас ее состояние усугублено еще плохим уходом и запущенностью.

Да даже если ничего сделать нельзя, все равно ребенку лучше в семье, чем в детском доме. Только разрешение на усыновление дают лишь семейным парам. Наверное, это правильно и справедливо, но многим одиноким людям так и приходится оставаться одинокими до самой смерти.

Интересно, если бы она стала женой Кости, как мечтает, позволил бы он ей удочерить такого ребенка? Нет, ни за что.

Надя на бегу поежилась, вспоминая его холодный взгляд. Нет, ни при каких обстоятельствах он не признал бы девочку своей! Его дети должны быть продолжателями рода, красивыми, умными, безупречно воспитанными и вообще идеальными. Ребенок, про которого он говорит – «продукт пьяного зачатия», может быть только его пациентом. Какие-то другие чувства исключены.

А как бы отнесся к перспективам усыновления Миша, лучший из возможных мужей, по мнению тети Люси? Вроде бы он парень добрый, без царских замашек, зато у него есть любящая мать. Тетя Люся ведь не просто так старается выдать Надю замуж. Нет, она, конечно, желает племяннице только добра и всяческого счастья, но столь навязчивое сватовство есть часть широкомасштабной операции, развернутой тетей Люсей и Мишиной мамой после того, как бедняга бросил неосторожный взгляд на молодую женщину с ребенком.

Даже неизвестно, понравилась ли она ему, но мама для профилактики категорически заявила, что не намерена взваливать на себя такую обузу. Нечего кормить чужой рот, у ребенка есть отец, пусть и разбирается, а наше дело сторона. Слава богу, в мире полно хороших девушек, без прицепа.

Таково мнение мамы, а Миша послушный сын. Это то небольшое, что Наде про него известно точно.

Допустим, соблазнит она его, или, как выражается тетя Люся, «охмурит». Хотя, кажется, не так уж она ему и нра-

вится. Но ведь всем известно, что мужики – существа неполноценные, сами не знают, чего хотят, так что если она внемлет ценным советам тетушки, призовет на помощь народную мудрость, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, выдаст ударную дозу восхищения своим избранником, тетя Люся поднажмет с рассказами о ее скромности и невинности, маман надавит, и Миша никуда не денется, дрогнет под совокупным натиском трех женщин и сделает предложение.

Создадут они крепкую советскую семью, но если Надя только заикнется об удочерении, сразу поднимется такой вой! Да зачем тебе это надо? Ты что, с ума сошла? И далее, как говорится, по тексту. Никому в голову не придет, что дело не в ней, не в ее желаниях и капризах, а в том, что необходимо ребенку, чтобы хоть как-то облегчить его суровую долю.

Только папа ее поддержит, но это не считается. Он же мужик, тут же возразит тетя Люся, что он понимает?

Надя покосилась на бегущего рядом папу и улыбнулась. Действительно, со стороны посмотреть – скромный мужичок, каких тысячи и даже миллионы. По мнению тети Люси, ошибка эволюции, как и все остальные в мире мужики, которых бог создал только для того, чтобы у женщин был повод обручальное кольцо носить, больше от них в хозяйстве пользы нету. Потолок гениальности – зарплату до дома донести, на такие экземпляры молиться надо, но ни в коем случае не слушать, что за чушь они там несут.

Но ведь папа удержал семью, когда мамы не стало. Как-то он так ухитрился сделать, что Надя с братом, осиротев, не чувствовали себя несчастными. Горе они переживали очень тяжело, и до сих пор тоска по маме не оставила Надю, порой накатывало так остро, что слезы наворачивались, хотя прошло двенадцать лет, но благодаря заботе отца они с братом никогда не испытывали глухой безнадежности, заброшенности и одиночества.

Надя тогда была уже большая, десять лет, вполне взрослая для того, чтобы взять на себя все обязанности по дому. И убирать, и готовить, и стирать вполне она была способна, но папа не дал. Конечно, кое-что приходилось делать, но не больше, чем другим девочкам, а то и поменьше. Только Надя возьмет швабру в руки, папа тут как тут: «Я сам, сам, иди лучше почитай или математику поделай. Пол всегда помыть успеешь, а знания только в юную голову ложатся. Как гласит арабская пословица, учение в молодости – высекание на камне, учение в старости – черчение на песке...»

Заметив, что отец немного запыхался, Надя сбавила темп.

Надо рассказать папе про Юлечку, он обязательно придумает, как ей помочь, а пока нечего строить воздушные замки. Как говорится, кабы не кабы да не но, были бы мы богаты давно. Надо работать с тем, что есть. Удочерить девочку она пока не может, так хотя бы навестит ее завтра в свой свободный день. Купит апельсинчиков, еще чего-нибудь вкусненького, что будет в магазине и что не вредно Юлечке, и поедет.

Кстати, есть у нее одна шикарная кукла, с которой она даже не играла, потому что, по мнению тети Люси, та была слишком дорогая и красивая. Кукла прямо в коробке стояла на верхней полке книжного шкафа, украшала интерьер, а Надя бросала на нее благоговейные взгляды и ждала, когда станет настолько взрослой и ответственной, чтобы ей можно было дать в руки это сокровище. Папа бы разрешил сразу, но Надя понимала, что это будет ему стоить суровой головомойки от сестры, и не просила, тем более, мечтать о недостижимой красоте тоже было интересно. А потом она выросла, кукла потеряла тот волшебный ореол, который создавало вокруг нее детское воображение, да так и осталась стоять на полке, хоть теперь Надя с легкостью могла сама до нее дотянуться. И слава богу, что так, зато есть что подарить Юлечке, потому что красивую куклу не вдруг найдешь, да и лишних денег, откровенно говоря, нет. Нужно ведь еще платьице купить, а то ребенок ходит в казенной застиранной фланельке.

Радуюсь завтрашней встрече, Надя в то же время чувствовала себя не в своей тарелке от какого-то иррационального стыда. Заранее было неловко, когда она представляла, что скажут коллеги, когда застанут ее завтра с Юлечкой. В лучшем случае дурой обзовут, а особо проницательные сразу поймут, что дура дурой, а мать Терезу разыгрывает из себя очень даже неспроста.

Странно, официально с первого класса учат, что надо помогать друг другу, интересы коллектива прежде всего, сам

погибай, а товарища выручай, но если кто следует этим советам на практике, то на него смотрят, как на идиота.

У папы очень редкая специальность для мужчины, он медсестра-анестезистка. Кажется, единственный во всем городе такой. Даже операционная медсестра – мужчина чаще встречается. Когда-то папа поступил в санитарно-гигиенический институт, потому что только там было вечернее отделение, где фельдшеры и медсестры могли выучиться на врача. Но когда мама умерла, пришлось ему уйти, и Надя только сейчас поняла, какая это была большая жертва для отца. В своей области папа стал уникальным специалистом, попадает в любые вены, даже в те, которых в принципе не существует, и интубировать умеет так, что дай бог каждому анестезиологу. С ним врач чувствует себя как за каменной стеной, поэтому отца часто просят остаться на сложный наркоз, подстраховать, и папа всегда соглашается, потому что понимает, что это надо для дела. Иногда несколько секунд замешательства или неловкое движение молодого специалиста ни на что не влияют, а порой это в буквальном смысле стоит человеку жизни. Поэтому папа всегда остается, если его просят, даже если знает, что в таблице это никак не проведут. И вот странность, за профессионализм его ценят, а за готовность помочь – немного презирают. Какой бы ты умный ни был, а раз не умеешь заработать на своем уме, то дурак дураком, и не стоит тебя воспринимать всерьез.

И Надю тоже в коллективе как бы любят, а когда она без-

возмездно остается подежурить с тяжелым послеоперационным ребенком, то как бы и нет. Сразу начинается: «Тебе что, больше всех надо?» И такое ощущение возникает, будто она делает что-то нехорошее. Вроде бы доброе дело, а на душе чувство, будто бы ворует или что-то в этом духе.

– О чем задумалась, дочь? – спросил папа, когда они, выбежав из парка, перешли на быстрый шаг с вращением руками.

– Просто так, сама не знаю о чем, – Надя шумно выдохнула.

– Донимает тебя Люсьена?

– Да нет, пап, терпимо. Где-то на треть проектной мощности, не больше.

– Ну добро... А мне всю плешь проела с этим сватовством дурацким. Разбаловал я тебя, задурил голову книжками и мечтами, и вот результат. Возомнила ты о себе, в облаках витаешь, тогда как давно пора замуж выходить да детей рожать, чай, не девочка уже, а тут такой мальчик замечательный, а ты нос воротишь.

Надя засмеялась.

– Вот-вот, все хиханьки тебе!

– А жизнь проходит, – подхватила Надя.

– Не то слово. Пролетает... Вот сына в армию провожаю, а сам думаю, как так, я ведь сам только вчера оттуда вернулся. Секунду назад еще вся жизнь была впереди, а моргнул и нету. Ладно, что я тебя заранее пугаю, в молодости время

ощущается иначе. Пользуйся пока.

– Так ты хочешь, чтобы я послушалась тетю Люсю?

Папа пожал плечами и быстро сделал несколько раз упражнение «полочка».

– Не знаю, дочь, – сказал он, отдуваясь, – вопрос философский. Миша этот, на мой взгляд, зануда, каких поискать. Был бы он в тебя еще влюблен как бешеный...

– Ну это мечты, папа, книжная романтика. Чудес не бывает, тут с тетей Люсей трудно спорить.

– Да как тебе сказать, дочка. Не веришь в них, не веришь, а они раз – и случаются.

Папа улыбнулся, глядя в темное небо, где рядом с полной луной виднелась одинокая точка какой-то звезды.

– Пока маленький, для тебя все чудо, – задумчиво продолжал папа, – каждый день, каждый час наполнен если не самым чудом, то его обещанием. Потом растешь, мир немножко блекнет, теряет краски, но зато появляется чудо любви. И снова ты во власти волшебства, снова веришь, что мир прекрасен, как сказка. И действительно, дальше тебя ждет самое большое чудо – чудо новой жизни. А после, с годами, действительно наваливается рутина. Быт, работа. Каждый день одно и то же, и в борьбе за кусок хлеба невольно забываешь о высоком. То одно, то другое, то отвести в садик, то забрать, то ботиночки надо, то пальтишко. В школе на собрании краснеешь, когда говорят, что сын у тебя хулиган. Забывается волшебство, да, в вихре повседневных забот. Но

приходит, Надюш, второе дыхание. Вдруг без всяких усилий начинаешь понимать, какое это чудо, что вы с женой вроде бы и растеряли с годами романтику, но сделались единым существом, так что вам не надо говорить, чтобы понять друг друга. Так что даже теперь, когда мамы нет, она все равно рядом со мной, и это не фигура речи, а то, что я чувствую на самом деле. Потом вдруг осознаешь, что твои дети, которых ты когда-то сажал на горшок, теперь стали выше тебя ростом и живут как хотят, а ты можешь только стоять в сторонке и иногда подбодрить, если тебя об этом попросят. Это же такое чудо, что ого-го! – папа засмеялся. – А особенно если поработаешь четверть века в операционной и реанимации, так не захочешь, а поймешь, что чудо – это каждый прожитый день.

Надя улыбнулась.

– Но! – папа приосанился. – Не забывай, что все должно приходить вовремя. Мы с мамой никогда не убеждали тебя, что Деда Мороза не существует, ты сама до этого додумалась. Так что не спеши отречься от юношеских надежд.

«Так Деда Мороза и вправду не существует», – подумала Надя, но промолчала.

Да и потом, разве это юношеские надежды – мечтать о человеке, которому ты не нравишься и не понравишься никогда? Это не романтика, а глупость. Все равно, что фанатеть от Ромео из фильма «Ромео и Джульетта», как делала одна Надина подружка по училищу. Она даже на преступление пошла ради своей любви – свистнула из читального зала биб-

блиотеки журнал «Советский экран», в котором была фотография этого артиста.

Так вот давно пора признать, что у Нади с Костей Коршуновым столько же шансов, сколько у подружки с Ромео. А жизнь и вправду чудо, только создается это чудо не пустыми мечтами, а трудом и добротой.

* * *

Ян не успел близко познакомиться с Полиной Георгиевной, но иногда в свободные дни его странным образом тянуло на могилу несостоявшейся тещи. Втайне он надеялся, что Наташа вернется хоть на несколько дней, и волею судьбы он встретит ее на кладбище, но вообще непохоже было, что кто-то ухаживал за маленьким холмиком. Земля над могилой осела, выровнялась, еловые лапы, которые он принес весной, за лето пожухли, иголки с них осыпались, но Ян не стал их убирать, решив принести новые поближе к зиме. Он поправил временную табличку с именем и годами жизни, выбросил несколько полинявших бумажных цветов, подровнял венки, которые, несмотря на прошедшие месяцы, вполне еще сохраняли приличный вид, сел на узкую скамеечку, приваренную к соседней оградке с облупившейся серебрянкой, рассудив, что хозяин не обидится, и закурил. Ян не осуждал Наташу за то, что уехала к отцу в Германию. Живые должны жить с живыми, а не с мертвыми. Весной она поставит насто-

ящий памятник, выполнит дочерний долг, в этом Ян не сомневался, а отказываться от прекрасных перспектив, полной и яркой жизни ради того, чтобы ухаживать за могилой матери, – это неправильное и никому не нужное самоотречение.

В конце концов, могилы его бабушки и дедушки не здесь, а в Таллине, и он сто лет их не навещал. И кто знает, куда дальше занесет его судьба, которая у военного человека очень переменчива? Так далеко может оказаться от отеческих гробов, что никогда в жизни их не увидит, но это ведь не значит, что он перестанет любить и помнить своих родных.

Ян помнил, как хоронили дедушку. Он сам был тогда еще ребенком, еще не признавал неотвратимость смерти, и все происходящее казалось ему каким-то безумным ритуалом.

Стоял серенький осенний денек, накрапывал дождик, но мама почему-то не боялась, что Ян простудится, даже не проверяла, надел ли он капюшон.

Гроб выгрузили из автобуса, поставили на специальные носилки возле ворот кладбища, но люди подходили не к гробу, а к маме с папой, целовались с ними, о чем-то тихонько разговаривали между собой, родственники, которые давно не встречались, обменивались разными новостями, и так получилось, что дедушка остался совсем один.

И тогда, глядя на одиноко стоящий гроб, Ян вдруг пронзительно и остро понял, что дедушка больше не с ними, не с живыми. Это было так мучительно, что Ян заплакал на-

взрыд, и папа подошел к нему, взял на руки и сказал странные слова: «Понимаю, как тебе сейчас страшно, но ничего, когда нас будешь хоронить, уже так бояться не станешь».

Тогда эти слова еще сильнее напугали маленького Яна, он даже плакать перестал от ужаса, что родителей когда-нибудь не станет.

А сегодня, сидя на узкой лавочке возле могилки Полины Георгиевны, понял, что тогда хотел сказать ему отец.

Не в том суть, что не бойся смерти, полностью побороть этот страх невозможно, а просто если хочешь жить, то принимай жизнь такой, как есть.

Затянувшись поглубже, Ян выдохнул дым в небо. Солнце светило ему прямо в лицо, обволакивая щеки нежным осенним теплом.

Жизнь идет своим чередом, пройдет слякотная ленинградская осень со своими бесконечными темными днями, про которую кажется, что она никогда не кончится, выпадет снег и наступит зима, долгая-долгая, а тоже пронесется как один день, сугробы сделаются жемчужно-серыми и ноздреватыми и вскоре исчезнут под натиском солнца, осторожно зацветет верба, и вдруг, внезапно зазеленеет листва, и тоже будет казаться, что лето вечно, пока не зацепится взгляд за надломленную ветку с пожелтевшими листьями...

И снова земля вздохнет туманами, всплакнет осенними дождями и начнет все сызнова, но человеку отпущен только один цикл. Живи сейчас, ибо следующей весной не возро-

дишься, увy.

С этой нельзя сказать что такой уж свежей мыслью Ян вздохнул, затынулся последний раз и медленно выдохнул, наблюдая, как тает белый дымок в блеклой осенней лазури. «Весна моя прошла, наступило лето, тоже очень хорошее время, – усмехнулся он, – пора, пора выходить из роли юного неприкаянного студента и начинать заботиться не только о себе самом».

Еще буквально вчера утверждение, что мужчина женится не когда влюблен, а когда пришло ему время жениться, казалось Яну полнейшей ересью и антинаучным бредом, а сейчас он всей душой прочувствовал, что эта истина не на пустом месте родилась. В нынешнем расположении духа Ян готов был связать свою судьбу с любой девушкой без явных психических отклонений. Два взрослых человека всегда могут договориться, если идут на уступки, в конце концов, если Ольга собирается выйти замуж по расчету и построить счастливую семью, чем он хуже? Даже лучше, потому что расчет для него вообще на последнем месте.

А любовь? Что любовь? Кого когда это чувство осчастливило так, что всю жизнь можно было на нем ехать и ничего не делать? Если такие пары и существовали в реальности, то Яну они были неизвестны. Все счастливые семьи, которые он знал, включая собственных родителей, жили, помогая и уступая друг другу, а делать это можно и не сходя с ума от великой страсти.

Последний раз поправив венки на могилке, Ян аккуратно потушил окурок о землю, обернул его в кленовый лист и спрятал в карман, чтобы выкинуть по дороге в урну.

Постоял, подбирая прощальные слова для Полины Георгиевны, но ничего подходящего в голову не приходило, поэтому он просто кивнул и ушел.

По дороге загадал, что будет внимательно смотреть по сторонам и подкатит к первой девушке, которая понравится ему. И если она даст ему телефончик, то все сложится самым превосходным образом, они поженятся и проживут вместе долгую и счастливую жизнь.

На первый взгляд план представлялся безупречным и простым в воплощении. Ленинград полон симпатичных девушек, и сам Ян тоже ничего себе такой парень.

На дворе белый день, и если не наскакивать на понравившуюся даму в темной подворотне, а чинно подкатить в людном месте, то шансы завязать знакомство практически стопроцентные.

Выйдя за ворота кладбища, Ян пригладил волосы и двинулся навстречу судьбе.

По дороге к метро ему не встретилось ни одной женщины младше сорока, исключая торговку искусственными цветами, расположившуюся со своим нехитрым товаром возле железнодорожного переезда. Дама была довольно приятная, но Ян по зрелом размышлении все же отверг ее кандидатуру.

«Такое впечатление, будто всех симпатичных девушек Ле-

нинграда оповестили по радио, что я открыл на них охоту, и они решили остаться дома», – мрачно хмыкнул Ян, размещая в метро двадцатикопеечную монетку на пяточки.

Он, конечно, лукавил. В метро девушки попадались тут и там, но странное дело, в теории он готов был познакомиться с любой, а на практике ни одна не нравилась. В каждой, на которую падал взгляд, немедленно находился страшный и неустрашимый изъян.

То длинный нос, то взлохмаченные волосы, то стрелка на колготках, а если уж ничего такого нельзя было найти, то в Яне просыпалась бабушка и нашептывала, что данная мадемуазель «ужасно вульгарна».

Только доехав до своей станции, Ян понял, что в сущности все эти девушки обладали одним недостатком – они были чужие.

От этого сделалось грустно, и, черт возьми, Ян сам не понял, как оказался в телефонной будке и набрал Сонин номер, загадав, что если к телефону подойдет она, то все у них сложится, а если ее грозный папаша, то он просто бросит трубку, и все.

Как всегда, судьба предложила свой, оригинальный вариант. Услышав «алло», Ян вроде бы узнал Сонин голос, сказал: «Соня», а в ответ услышал суровое: «Она тут больше не живет», – и короткие гудки. Видимо, догадался Ян, он перепутал девушку с ее мамой.

Оставалось выяснить, мама просто отпугивает ухажеров

таким незамысловатым способом или Соня действительно уехала. И если да, то куда? Вышла замуж? Мысль эта внезапно оказалась невыносимо печальной. Но с другой стороны, куда еще могла уехать от родителей приличная домашняя девочка? Нашла работу в другом городе?

Такая же сила, что засунула Яна в телефонную будку, развернула его обратно в метро. Поняв, что сопротивление бесполезно, Колдунов доехал до Сониной работы. Хотя и выходной день, но в дежурной смене обязательно найдется человек с энциклопедическими познаниями о личной жизни всех сотрудников больницы.

В приемнике его встретили радушно, так что не успел Ян открыть рот, как оказался в операционной ассистентом на кишечной непроходимости, где провел увлекательные четыре часа, после чего его напоили чаем, дали половинку шоколадного батончика и сообщили, что о личной жизни Софьи Сергеевны знают мало, но недавно она подала в систему экстренного оповещения сотрудников новый адрес и телефон.

Ян списал на пачку сигарет и то и другое.

Из больницы звонить не хотелось, он добежал до метро, с некоторым трудом нашел в кармане монету в две копейки, а возле станции – работающий автомат и набрал номер.

Человек, взявший трубку, долго не понимал, чего от него хотят, а на заднем плане слышались голоса и шумы, промелькнул детский залиvistый смех, и Ян заключил, что квартира коммунальная.

Он еще раз спросил Софью Бахтиярову, человек подумал, наконец воскликнул: «А, новая жиличка!» – и отправился на поиски. Ян ждал-ждал, пока в трубке не раздался писк, предупреждающий, что время заканчивается. Он принялся лихорадочно шарить по карманам, но новой двушки не нашел, и разговор прервался.

Из телефонной будки Ян вышел немного озадаченный, не зная, как трактовать этот знак судьбы. Бороться или сдаться?

Рядом стоял киоск «Союзпечати», и Ян быстренько купил шариковую ручку, предмет для врача крайне необходимый, но с рубля получил сдачу только двадцатикопеечными и пятачками, ни одной двушки или хоть гривенника.

Задумчиво подбросил в руке увесистую горку мелочи. Кажется, послание очевидно – не судьба. Но можно посмотреть и с другой стороны: высшие силы тонко намекают, что он не ценил щедрых подарков, которыми его осыпала жизнь, проворонил свое счастье, и теперь нужно хорошенько потрудиться, чтобы его вернуть. Вступить, так сказать, в единоборство с роком. Как в сказке Иван-царевич жил-жил себе в довольстве, но не ценил своего счастья, сжег лягушачью шкуру, и вот, пожалуйста, хочешь вернуть любимую – пили теперь за тридевять земель и убивай Кощея.

Ян засмеялся, приосанился и поехал по новому адресу Сони.

Она жила теперь в центре, в узком и высоком доме с фа-

садом из серого кирпича и неприветливыми окнами, похожими на бойницы.

Поднявшись по мрачной лестнице на второй этаж, Ян оказался перед массивной двустворчатой дверью, выкрашенной в тот противный цвет, которым всегда красят плинтусы и перила в общественных учреждениях. По косяку змеилась россыпь дверных звонков с табличками, на которых от многих слоев краски фамилии почти не читались. Сониной фамилии не было, и только сейчас Ян понял, какого дурака сваял. Если он ненароком позвонит в чужой звонок, то ему откроют, но Соня сделается врагом всей квартиры, как человек, который не бережет покой соседей. А если она вышла замуж, то внезапный визит одинокого мужчины и вовсе поставит ее в двусмысленное положение.

Немного помявшись перед дверью, Ян спустился пролетом ниже и сел на широкий подоконник. За стеклом сгустились сумерки, и в доме напротив зажигались окна, роняя длинные полосы света на асфальтовое дно двора-колодца.

Где-то свет еле пробивался сквозь занавески, а где-то была видна вся вечерняя жизнь. В одной кухне уютно светила зеленая лампа с бахромой, и в ее круге за столом сидели двое людей, как показалось Яну, средних лет. Женщина в пестром халатике и бородатый мужчина. Они пили чай, наливая заварку из красного пузатого чайничка в белый горошек, и Ян видел, как они улыбаются друг другу и, наверное, счастливы тем самым маленьким и ничтожным счастьем, которое

так презираемо великими людьми и которого труднее всего достичь.

«А тебе не дано, – вдруг пронеслось в голове с холодной пугающей ясностью, – не будешь ты никогда сидеть в тепле, радости и уюте, хоть тресни, хоть развались».

Он потряс головой, отгоняя мысли, больше похожие на предсказание, растерянno огляделся, и тут внизу хлопнула тяжелая дверь парадной, на лестнице раздались легкие быстрые шаги, и появилась Соня.

– Ян? – непонятно было, удивилась ли она.

Колдунов молча улыбнулся, так приятно было на нее глядеть. Глаза сияют, густые волосы распущены по плечам, а в руках авоська, из которой выглядывает горлышко молочной бутылки.

– Весьма неожиданная встреча, – улыбнулась Соня так, что Ян не понял, рада ли она ему.

– Пригласишь?

– Что ж, пойдем.

Пожав плечами, Соня достала из кармана неправдоподобно большой ключ и отперла дверь. От сырости деревянная створка разбухла и поддалась не с первого раза, пришлось Яну сильнее дернуть за ручку.

Войдя, они оказались в широком темном коридоре, который сразу стал давать такие сложные ответвления, что Ян оставил всякую надежду выбраться из этого лабиринта самостоятельно. Миновали большой холл, через который бы-

ли протянуты веревки с постельным бельем, и зрелище это почему-то привело на ум Яну парусную регату.

По стенам висели неперенные тазы и корытца, на очередном повороте Ян чудом увернулся от прыгнувшего на него черного кота с белой грудкой. По упитанной наглой морде и холодному взгляду любому становилось ясно, что это кот, а не кошка.

В огромной кухне, куда Ян из любопытства заглянул, глаза рябило от газовых плит, а в центре пола располагалась весьма солидная дыра. Колдунову захотелось посмотреть, проходит ли она насквозь, на этаж ниже, но Соня повела его дальше.

Ян не бывал у Бахтияровых в гостях, но и без того понятно, что этот быт разительно отличается от того, к чему привыкла профессорская дочка Соня.

Комната у нее оказалась маленькая и узкая, не больше купе поезда, наверное, до революции в ней жила прислуга.

Из мебели вмещалась только односпальная кровать, такая же, как у Яна на Звездной, и крошечный письменный стол с табуреткой. Солдатский, казарменный быт, но по легким занавескам, кактусу на подоконнике, симпатичному пестрому покрывалу и плюшевому медведю на подушке можно было понять, что здесь живет девушка.

Соня с улыбкой указала на табуретку. Ян сел.

– Чаю? Кофе?

– Да нет, пожалуй. А хочешь, сходим в кафе?

Соня покачала головой и сказала, что сегодня больше не собирается на улицу.

– Как тебя занесло в эту дыру? – не утерпел Ян.

– Занесло вот. Сняла комнату.

– Зачем?

– Так, захотелось в двадцать пять лет пожить самостоятельно.

– То есть ты не вышла замуж?

Соня фыркнула:

– Конечно нет. Я же тебе говорила, что в принципе не хочу.

– Я думал, ты специально.

– Нет, зачем мне тебе врать? – Соня улыбнулась. – Просто мне действительно нравится быть одной.

– А мне что-то в последнее время нет.

Соня картинно развела руками:

– Хозяин – барин. А тебя как занесло в эту дыру, дорогой Ян?

– Соскучился, – не стал он кривить душой, – очень захотел тебя повидать. Позвонил домой, мама твоя сказала, что ты тут больше не живешь, но я проявил дедуктивные способности.

– Да, мы с ней в последнее время не ладим, – Соня нахмурилась, и Яну показалось, будто она хочет заплакать.

– Хочешь, за вином сгоняю? – быстро предложил он.

– Ян, дорогой, давай сразу расставим точки над «i», чтобы

не было у нас с тобой непонимания. Я не против встречаться с тобой для удовольствия, но ты, как я поняла, созрел для серьезных отношений. А этого я не могу и не хочу тебе дать.

– Давай попробуем, вдруг передумаешь?

– Я, конечно, не лщу себя надеждой, что разобью тебе сердце, но время ты точно потеряешь, – Соня ласково погладила его по плечу: – Поверь, я так говорю с тобой не из кокетства, а потому, что действительно хорошо к тебе отношусь.

Ян кисло улыбнулся:

– Точно-точно не передумаешь?

– Нет.

– Прости, что спрашиваю, но если бы тогда...

– Если бы да кабы...

Соня погасила верхний свет, и Ян на секунду обрадовался, но она тут же щелкнула выключателем настольной лампы, в мягком уютном свете которой лицо девушки сделалось резким и загадочным.

– Нет, правда, Сонь. Когда мы с тобой в филармонию ходили...

– О, тогда я была еще глупая и сомневалась. Но слава богу, ты встретил другую девушку.

– Почему слава богу?

– Потому что я прозрела до того, как вышла замуж и обзавелась детьми.

– С другой стороны, не попробуешь – не узнаешь.

– Да-да, конечно, – Соня опустилась на краешек кровати, отчего сетка со скрипом просела. Ян улыбнулся, и, видимо, Соня неправильно его поняла, потому что сразу вскочила и сказала, что все-таки принесет чай.

Ян хотел пойти с ней на кухню, поближе посмотреть дыру в полу, выяснить наконец, насквозь она проходит или нет, но Соня приказала ждать в комнате, чтобы не раздражать соседей. Ничего не поделаешь, Колдунов покорно сидел на табуретке, разглядывал корешки книг, стоящих на единственной полке, приколоченной над столом. Руководства по рентгенэндоваскулярной хирургии, потрепанный том с оторванным корешком, в котором Ян безошибочно опознал учебник топографической анатомии, пара голубеньких номеров «Нового мира», вот и вся библиотека.

Для шкафа в комнате места не было, и Сониная одежда висела на простой деревянной вешалке с крючками. Ян деликатно отвернулся, стал смотреть в окно. В кухне напротив мужчина и женщина все еще пили чай, склонялись друг к другу, почти соприкасаясь головами.

Яну сделалось грустно оттого, что жизнь направила его таким извилистым путем, поманила настоящим счастьем, а в итоге завела в какой-то непонятный тупик, и он задернул занавески, чтобы не видеть чужой идиллии.

– Если бы хоть ты был до безумия в меня влюблен, – сказала Соня, входя в комнату с чайником, из носика которого еще шел пар, и двумя кружками, судя по почти стершимся

золотым полосочкам по краю, сдававшимися вместе с комнатой.

– Ты мне очень нравишься.

– Ну вот...

– Правда, Соня.

– Знаешь, Ян, если бы я хотела связать свою жизнь с человеком, которому я просто очень нравлюсь, то я давно бы вышла за твоего прекрасного соседа по квартире.

– За Константина Петровича?

– Именно.

Соня засмеялась и бросила в чашки пакетики из яркой коробочки с изображением клубники и налила кипяток. По комнате поплыл синтетический фруктовый дух.

– Пей, не бойся, я обработала эти антикварные чашки пермолюксом и отмыла в десяти водах. Вообще провела тут полную дезинфекцию.

– Вижу.

– Обои еще поклею, если не найду жилья получше. Извини, угостить тебя нечем, кроме вот сушек и молока. Я принципиально не готовлю дома, вот тебе, кстати, дополнительный аргумент не рассматривать мою кандидатуру на роль жены.

– Если бы у меня на кухне была такая дыра в полу, я бы тоже не готовил.

– Не в ней дело.

Ян взял с тарелки бледную твердую сушку и с хрустом раз-

ломил, внезапно сообразив, что не ел сегодня ничего, кроме половинки шоколадного батончика. Под ложечкой засосало, но он решил терпеть. А может, то был не голод, а ревность... Ян тряхнул головой, прогоняя недостойные мысли, но все же не удержался, сказал:

– Интересно, я даже не знал, что вы с Костей знакомы. Он никогда не рассказывал о тебе.

Новая порция сушек со страшным грохотом упала на тарелку:

– А он с тобой прямо делится? Прямо всем-всем? Неожиданно... Лично я за всю жизнь не встречала более замкнутого человека. Но ты в любом случае не переживай, потому что у нас ничего не было. Дважды только сходили в Кировский театр, один раз в шестом классе, и второй, когда наши родители в один прекрасный момент решили, что породниться семьями было бы очень даже неплохо. Что ж, по настоянию предков мы с Костей в антракте вдумчиво и всерьез рассмотрели перспективы брака, – Соня посмотрела на Яна сквозь поднимающийся от чая парок и лукаво улыбнулась, – будучи оба во власти идеи, что общность интересов и одинаковое воспитание являются самой крепкой основой для счастливой семьи.

– А что, нет?

– А я не знаю.

Ян вздохнул:

– Черт возьми, а меня никто никогда не женил. Даже не

пытался. Я бы, наверное, согласился на такие царские условия.

– Радуйся, что тебя миновал сей соблазн, – фыркнула Соня, – потому что со стороны брак по расчету выглядит очень даже привлекательно, особенно когда жених умный, перспективный, красив, как бог, да еще и хорошо к тебе относится. Лично я опомнилась в самый последний момент.

– И что тебя остановило?

Соня захихикала:

– Интересный ты человек, Ян! Сам живешь с Константином Петровичем и спрашиваешь. Это ж снеговик ходячий, просто «ледяной горою айсберг из тумана вырастает», – довольно верно напела Соня хит Пугачевой. – Впрочем, как всякая восторженная дева, вначале я не считала это большим препятствием, уверенная, как говорится в мультике, что это ж-ж-ж неспроста. От разбитого сердца все идет, откуда же еще. И какое-то время меня это даже сильно склоняло в пользу брака. Роль спасительницы, она, знаешь, очень привлекательна для неискушенных девушек.

– Нет, не знаю, – улыбнулся Ян, – я ж не девушка.

– Ну а мне вот не повезло. Установка такая была, что главное – выйти замуж, а там-то я уж... Постараюсь, отопрею, растоплю кусочки льда, боль, если понадобится, разведу руками.

– Ты прямо знаток советской эстрады.

– А где еще развернуться женской душе, как не в песне?

Короче говоря, я, воспитанная на сказке «Снежная королева», была полна решимости и оптимизма, собиралась преодолевать любые трудности, пока меня не озарило, что придется бесконечно вытаскивать из головы Кая ледяной осколок, потому что дело не в осколке, а в голове. Другого человека не переделать, а я не какая-нибудь дохлая треска, чтобы держать меня во льду.

Ян засмеялся и взял еще сушку.

– Вообще странно, что он до сих пор один, – задумчиво сказала Соня, – я была уверена, что он мгновенно найдет новую кандидатуру в жены, не сам, так родители постараются. Ему же все равно, кто рядом с ним, лишь бы с хорошими манерами.

– Последнее время у меня такое чувство, будто девятнадцатый век на дворе, – вздохнул Ян, нехотая вспомнив Олю, – кругом сплошные браки по расчету.

Соня покачала головой:

– Так оно и водится у серьезных людей, Ян.

– Не очень мне хочется становиться серьезным человеком.

– Взрослеть вообще мало кому нравится, – сказала Соня и похлопала по покрывалу рядом с собой. – Если хочешь, садись поближе, а то тебе на табуретке, наверное, неудобно.

Поставив чашку на стол, Ян осторожно опустился на кровать рядом с Соней. Панцирная сетка просела, и они оказались, как в гамаке. Ян прислонился к стене, а Соня доверчи-

во положила голову ему на грудь. Он с осторожностью протянул руку и обнял ее за плечи. Соня была теплая и тихая, и Ян зажмурился, переживая редкий момент душевного покоя, когда надежда переплетается с печалью об утраченном, исчезает прошлое и будущее и ты растворяешься в моменте рядом с человеком, которому полностью доверяешь.

Он чувствовал тепло ее дыхания и хотел сказать, что любит ее, но промолчал, потому что знал, что такие минуты редки и быстротечны.

Так они посидели еще немного, а потом Ян встал и пошел домой.

* * *

Надины опасения оправдались. Новость о том, что она опекает Юлечку, не осталась незамеченной в коллективе. В лицо Наде ничего не говорили, но медсестра из терапии, с которой они жили по одной ветке метро и часто ездили с работы вместе, с удовольствием передавала подруге самые свежие сплетни.

Надя спокойно выслушала гипотезу, что таким образом она выслуживается перед начальством, чтобы оно обратило на нее внимание и назначило старшей сестрой. Это было логично и предсказуемо, поэтому не обидно.

Но следующая сплетня: якобы она специально разыгрывает из себя невероятную сестру милосердия с единственной

целью — захомутать молодого доктора Коршунова серьезно задела ее за живое. Возможно, потому, что в ней таки содержалось зерно правды. Пусть крохотное, но было, было.

Впрочем, очень скоро стало понятно, что этот расчет, вольный или невольный, все равно бы не сработал.

Через неделю Костя остановил ее в коридоре и сухим, безжизненным тоном отчитал, что своими ежедневными появлениями она вносит сумятицу в работу отделения, деморализует сестер, которые рады перекинуть на нее часть своих обязанностей, а сама при этом не успевает восстановиться, ибо режим работы сутки через трое не просто с потолка придумали, а утвердили, учитывая физиологические особенности организма. Далее, она должна понимать, что Юлечка — не бездомная собачонка, а человеческое существо, пусть и слабоумное (именно так Костя и выразился). Ее нельзя просто так приручить, а потом бросить. В общем, Надя поступает безответственно и должна остановиться, пока ущерб еще невелик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.